

Максим Валерьевич Кисляков
Быть войне! Русы против гуннов
Серия «Русь изначальная»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7121510
Максим Кисляков. Быть войне! Русы против гуннов: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72865-7

Аннотация

Новый боевик о предыстории Руси и подвигах наших далеких предков.

Славянские племена объединяются вокруг священного Перунова капища, создав первое русское государство – Русколань.

Но чтобы стать наследниками великой Скифской державы, русы должны восстать против кочевников-гуннов и сбросить ненавистное иго.

А значит – БЫТЬ ВОЙНЕ! Первой Отечественной войне в нашей древней истории.

Содержание

1	4
2	8
3	11
4	16
5	20
6	27
7	32
8	40
9	43
10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Кисляков

Быть войне! Русы против гуннов

1

Вокруг приднепровская степь. Торговый караван тяжело взбирается на огромный холм. Могучие волы натужно ползут вперед, клонят к земле рогатые головы. Земля под копытами стонет, подрагивает, пыль стелется густым покрывалом. Вереница груженных повозок поскрипывает, раскачивается из стороны в сторону.

Полуголые, худые, как жердь, погонщики щелкают плетями по хребтам гигантских животных, те всхрапывают, рассекают воздух исполинскими рогами, многоголосое мычание растворяется в горячем воздухе.

В голове каравана – трое вооруженных всадников, мощный торс закрывает кольчужная рубашка, на груди пламенеет вплетенное в кольца выпуклое солнце из желтого металла.

Глаза дружинников грозно поблескивают из-под прорезей железных полумасок. Длинные мечи бряцают по обтянутым железом ляжкам седоков. Большой каплевидный щит перекинут за спину.

С боков в клубах пыли устало топает пешая охрана, лица хмурые, в грязных разводах, от строя несет крепким потом. Многие шлепают по раскрасневшим шеям – прогоняют назойливых кровопийц. Потертые кожаные безрукавки одеты на голое тело. У всех по длинному – в полтора человеческого роста – копыю.

Когда добрались до макушки холма, среди дубняка и высокого папоротника что-то зашевелилось, зашелестел кустарник, громко треснула сухая ветка. Конь под дружинником заржал, встал на дыбы, копыта молотят воздух.

– Тпру! – скомандовал воин, с трудом удерживая взбесившегося скакуна. – Ты чего?

Кто-то громко свистнул. Ему вторят с другой стороны, потом еще и еще... Слышится нарастающий конский топот. Через мгновение из чащи на поляну вылетел храпящий конь, из-под копыт испуганно взметнулись в небо несколько жирных куропаток, одна хромает на крыло – копыто достало зазевавшегося пернатого.

Всадник невелик, но лицом злобен, глаза люто сверлят, орлиный нос с шумом втягивает воздух, за плечами болтается круглый щит.

Из-за деревьев взвизгнуло. Стрела звонко рассекла воздух, с треском вонзилась в передний край одной из телег.

Испуганно замычали волы, встали как вкопанные, кони шарахнулись в стороны. От резкой остановки одна из повозок сильно накренилась, тюки с дорогой заморской тканью бухнулись в пыль. Посыпались бранные слова. Несколько воинов тут же подскочили, плечами уперлись в края повозки.

Следом, круша кусты, проломилась еще несколько степняков, кони под ними шатаются, роняют пену. Всадники с гиканьем и свистом завертели перед караваном круг, пальцы привычно натянули тетиву.

Йошт испуганно смотрит поверх голов на беснующихся гуннов, у тех рожи желтые, злые, глаза раскосые, нагло смеются. Один, два, три, пять... десять! Йошт взмокшими ладонями сжимает потертую рукоять меча, затравленно оглядывается по сторонам, в глазах немой вопрос.

Рядом переговариваются:

– Опять они...

– Но они ли? Эти малой шайкой – их не больше десятка! – не нападают. Сотнями – да, а тут... Осмелели?

Из живого кольца выскочил всадник и понесся в противоположную сторону, навстречу замершим дружинникам. За ним спешат еще двое.

– Урус, ха-ха! Плати дань, урус! – заорал гортанным голосом кочевник в кольчужной рубашке. Явно трофейная. Голову накрывает кожаный колпак с металлическим ободом, к верхней губе сползает носовая стрелка. – С вами купец едет, знаем-знаем. А за купца дань берем. Урус, плати два коня золотом и езжай дальше. Мы никого не тронем, дун-ха.

В передних рядах русов покотился неодобрительный ропот. Йошт облизнул внезапно пересохшие губы, вдруг онемевшими пальцами сжимает древко копья. Кто-то поблизости хмыкнул, послышался скрежет металла о металл – широкий в плечах детина медленно тянет из ножен меч. Но рядом стоящий седобородый воин крепко сжал ему руку – наполовину обнаженный клинок замер на месте.

Вдруг кони дружинников шарахнулись в стороны – степняк зарычал и дернул вперед коня, едва не врезался в них:

– Чего молчишь, урус? Дань платить не хочешь?

Один из дружинников с кряхтением спешился, земля гулко отозвалась под тяжестью сапог, руки стянули с бритой головы металлический шлем, по виску предательски скользнула струйка пота. Ратник побрел к купеческому становищу, на ремне покачивается шестопер – знак воеводы. Йошт приметил: тяжело дается шаг. Вдруг горечь стыда за воеводу сжала сердце, Йошт опустил глаза.

В середине каравана в полуоткрытой повозке купец трусливо жметя в угол. Лицо блее мела, сквозь узкие прорези глаз черные глазки-маслины бегают как паучки. Жирные щеки заметно дрожат, лоб блестит от холодной испарины. Начальник дружины бросил ему пару фраз, указывает в сторону степняков, купец торопливо закивал, быстро прикрыл лицо дорогой тканью до самых глаз, его тело сотрясает мелкая дрожь. Воин брезгливо скривился.

Через мгновение к нагло ухмыляющемуся гунну подвели коня, тот покорно стоит, прядает ушами. Степняк объезжает коня, не торопится, глаза скользят от копыт до загривка, носком сапога тычет в седельный мешок, слышится сладкий звон. Гунн тянет рот довольной улыбкой, но тут же скривился, недовольно зацокал.

– Урус обмануть меня хочет?! – злобно бросил он. – За заморского купца платить два коня золотом, понимаешь, урус? Два коня!

За спиной кочевника заулюлюкали громче, высоко в воздух взметнулись две стрелы. Один из дружинников зло сплюнул, дернулся вперед, на скулах играют рифленые желваки.

– Ты что мелешь, какие еще два коня золотом?! – с раздражением бросил кто-то из дружинного строя.

– Эй, зачем вмешиваешься? – насмешливо брякнул один из степняков, взгляд с хитрым прищуром. – Мы будем говорить только с вашим князем!

– Так ты дорогой-тропинкой ошибся, мил человек! Коль князя светлого желаешь – тогда в стольный Кияр. Там наш князь. Это недалеко. Всего-то три раза по десять денечков пути. А там и врата стольного Кияра. Вот как раз колья на вратах пустуют, аки сироты. Может, обновите оградку-то? Чай головушка лихая, так это в самый раз!

Гунн почернел лицом, глаза наливаются кровью, двое других степняков отступили на шаг назад, с готовностью бросили ладони на рукояти кривых мечей.

– Скоро твоя голова, урус, будет на колу мух кормить!.. Совсем скоро! – люто процедил гунн.

Дружинник ахнул, с силой сжал кулаки:

– Да я тебя сейчас в щепу изрублю!.. – вспыхнул воин, лицо покраснело, звякнула сталь, солнце пробежало яркими вспышками по длинному клинку.

Кочевник отпрянул, однако рот скривил в ухмылке, ощерил острые зубы, натянул поводья. Конь под ним всхрапнул, привстал на задних ногах, быстро развернулся. Следом пятятся двое других гуннов, руки по-прежнему застыли на рукоятях акинаков, глаза бегают со скоростью молнии по дружине.

Рус с силой сжал конские бока коленями, конь нехотя – чувствует скорую кровь – подался вперед. Но его удержал другой дружинник – рука с силой сжимает плечо готового кинуться в сечу воина.

– Стой, Рогдай!

Рогдай резко повернул голову, глаза лютые.

– Остынь, говорю! – громко гаркнул воевода. Рогдай с силой дернул плечом, скидывая его руку. Глаза злобно сузились.

– Сам охолонь... воевода!

Он зло сплюнул под ноги коню старшего дружины, злобно покосился в сторону беснующегося гуннского кольца, отступил в глубь каравана.

– Эй, благородный воин степи, остановись! – громко воскликнул воевода. Но гуннский вожак даже не повернулся, по-прежнему движется к своим. Дружинники недовольно зацокали, бормочут ругательства под нос.

Воевода закрыл глаза, набрал в грудь побольше воздуха и через силу выдохнул:

– Будет тебе два коня золота!

Из троих, что сопровождают гуннского вожака, развернулся один и галопом скачет к купеческому каравану. Возле дружинников уже стоит гнедой жеребец, через седло перекинут пухлый мешок. Гунн, не останавливаясь, подхватил коня с золотом за удила, в один удар сердца развернул коня на месте и пустился во весь опор, конские копыта взрывают землю фонтанчиками земли вперемешку с дерном.

Дружинники остолбенело провожают взглядом стремительно удаляющегося степняка. Тот, привстав на стременах, одной рукой с силой тянет за узды коня с добычей, другой обрушивает плеть на его спину. Животное иступленно ржет, извивается под ударами.

– А коня?! – крикнул воевода. – Коня верни! Не было такого уговора!

Вместо ответа один из гуннов лихо выехал из кольца и пустил сразу три стрелы в сторону русов. Одна звякнула о шлем старшины, лязгнув, отскочила – воевода ругнулся, – две другие полетели в сторону купеческой повозки, с шипением насквозь прошили тряпичную верхушку. В фургоне тонким голоском взвизгнул купец.

– Вот сволочь! – крикнул воевода, потряс вслед наглому степняку огромным кулаком.

Гунны с довольным гиканьем и улюлюканьем устремились в сторону леса, кольцо распадается – один за одним врываются с треском в высокие кусты, исчезают среди молодого дубняка.

– Трусливый урус, ха-ха! В вашем Кияре мы еще сидеть будем! Дун-ха! – надменно прокричал гунн в трофейной кольчуге, круп его коня вильнул и скрылся за деревьями.

Купеческий стан замер под палящим солнцем. Редкий ветерок бряцнул ножнами о кольчугу. Кто-то разочарованно шмыгнул носом.

К шепчущему проклятья воеводе медленно подъехал Рогдай:

– Воевода, скажи, зачем мы здесь?

– От ворога защищать, Рогдай, – чуть помедлив, упавшим голосом отвечает воевода. – От ворья да разбойников.

– А они кто?! – Рогдай кивнул в сторону леса, рифленые желваки вздулись. – Да они хуже любого татя!

– Велено защищать только от наших разбойничков, славянских... А этих не трогать! На то воля княжья.

Рогдай ахнул, конь под ним попятился:

– Чего?

– Воля князя, степнякам золотом за мир платить! – процедил воевода, резко натянул поводья, конь всхрапнул, дернулся вперед. – Иначе рядом с твоей горячей головушкой на колу будут красоваться тысячи других... Это степное отродье от слов к делу переходит быстро! Все близлежащие веси и городки перережут спящими этой же ночью! Научены – ведаем!

– Но!

– Без «но»! – зарычал воевода, лицо потемнело, зрачки расширились, младший дружинник отшатнулся. Старшина перевел дух, тихо добавил: «Шагаем дальше, путь неблизкий».

Он повернулся ко все еще замершему каравану, окинул взглядом. На одних лицах недоумение, на других горькая усмешка, на третьих – ярость и вызов.

– О случившемся забыть! – Потом добавил уже почти шепотом: – До поры...

2

Йошт устало волочит ноги, спотыкается. От жары голова идет кругом, дыхание с хрипотой рвется из груди. Доспехи едва не плавятся, на спине и шее натерли до кровавых волдырей. Лук и колчан назойливо шлепают по бедру.

Волосы цвета созревшего каштана безобразно топорщатся из-под войлочного шлема, свисают сосульками. Худое лицо покраснелось, щеки в грязных разводах, пот тоненькими струйками скользит по вискам, лбу, выедает глаза. Рыжеволосый закашлялся – дорожная пыль больно вгрызается в пересохшую глотку.

– Видят боги – я больше не выдержу... – промычал Йошт, резко передернул плечами, поправляя нороящий соскользнуть деревянный щит за спиной. Лямки больно врезаются в кожу. – К лешему этого узкоглазого купчину!

Йошт споткнулся о булыжник, чуть не растянулся на раскаленном грунте, ноги едва нашли опору.

Молодой наемник зло косится в сторону купеческой повозки:

– Ишь, жирный, сидит спокойненько на повозочке, в тенечке, тянет рот до ушей!..

В середине каравана в полуоткрытой повозке гордо восседает купец. Лицо желтое, как у степняка, узкие прорези глаз, руки скрещены на толстом животе, недовольно морщится. Жирные щеки блестят от испарины. У изголовья согнутый в вечном поклоне слуга в одной набедренной повязке, худой, кости сильно выпирают сквозь тонкую смуглую кожу – спешно смахивает раскаленный воздух от купца опахалом из перьев заморских птиц.

– Вот гад! Мы тут пыль дорожную глотаем, не спим два дня, все торопимся в эту Ольвию или как ее там? Будто нечисть какая за нами гонится, а с утра во рту еще и маковой росины...

Взгляд остановился на чудаковатой личной охране купца. Все как один лицом – точная копия заморского купца: узкие щелочки глаз, кожа болезненно-желтого цвета. На подбородке черный как смоль клинышек бородки.

Позади кто-то сплюнул, грязно выругался.

– Это кто там бурчит себе под нос, гадами бросается? – не выдержал идущий впереди долговязый воин, обернулся, сердито сверкнул глазами. – Ишь хнычешь, аки баба!

– Все устали, все хотят пить, есть, а то и толстую бабью задницу помять не откажутся в теньке. – Позади кто-то коротко хохотнул. – Здесь все такие! Но терпят, идут, и ты иди, не скули аки пес.

Йошт не обращает внимания на укоры и язвительные замечания, взор скользит по облачению диковинных воинов. Всадники с ног до головы в панцире цветных пластинок из сыродутного железа, плотно – одна к одной – сшиты между собой красными шелковыми шнурами.

– А коль хочешь поплакаться – ступай к воеводе, повисни на шее: «Мол, тятка, туго мне, мочи нет... Подсади к себе?» – опять прозвенел дразнящий голос сзади.

Раздался бравый хохот, кто-то зашелся кашлем. Йошт опять проглотил насмешку. Взгляд скользит по полукруглому шлему заморских купеческих воинов. На макушке возвышается изогнутая дугой вниз толстая пластина, заостренные концы разлетаются в стороны, как воловьих рога. Такой ловит удар всадника, буде воин безлошадным станет в сечи...

– Знал же куда идешь! – Йошт вздрогнул от хриповатого голоса.

– Знал, как же! На прогулку небось рассчитывал. Видали мы таких бойцов!

– Взащей бы таких гнал!

– Ладно вам собачиться, накинулись на парня, – рядом рубанул словно топором о гнилую колоду густой басистый голос. – Сами-то нешибко с дорогой справляетесь – идете, еле ноги волочите, а еще «взашей бы таких!».

Йошт повернул голову на заступника. Рядом шагает низкорослый ратник в выдавшей виды безрукавной стеганке: большие кольца в сколах, кожаные вставки испещрены порезами, наспех стянутая прочной нитью, возле предплечья зияют две дыры. Лицо жесткое, будто вытесанное из дерева, хмурое. На щеке глубокий шрам крестиком – будто тычком пальца пропорол. Мощные скулы и выдающийся вперед подбородок скрывает седая борода.

– Ты в первый раз идешь, паря? – уже мягче пробасил седобородый.

Йошт смолчал, лишь вздохнул.

– Вижу, что первый. Как кличут?

– Йоштом.

– Откуда родом?

– Из венедов я, из Карпени, – просопел Йошт.

– Так ты с западных предгорий, что ль? – Кто-то присвистнул от удивления.

Йошт кивнул.

– Да уж, эка тебя, паря, занесло. А рода какого? Кто отец?

Молодой карпенский воин отмалчивается. Лишь глядит вдаль поверх голов впереди идущих. Широкий тракт убегает вдаль, карабкается на высокие холмы, пропадает в низинах, с боков все реже подступают рощи, между прямыми, как стрела, стволами змеятся звериные тропки. Гукают пересмешники, заливаются трелью дятлы. Дальше перелески мельчают, уступают сочным травам, ковылю. Еще полдня пути и не встретить даже маленькой рощицы, ну разве что одиноких березок.

– Безродный, что ли? Чего молчишь, как в рот воды набрал?

Йошт покосился на ветерана, желваки на скулах напряглись, тот оценивающе смотрит на него.

– Говорят, сразила отца стрела степняцкая, – наконец-то выдавил Йошт. Голову опустил, устался на пыльный сапог. – Ходил ягов бить в княжьем войске, я еще мальцом был.

– Ого, сын воина? – сказал седобородый, по-новому взглянул на парня из Карпени.

Йошт долго шлепает губами, будто подбирает нужные слова. Седобородый продолжает испытующе смотреть на паренька.

– Пахарем был мой отец, – невнятно пробормотал Йошт.

– О, как! Орало на меч сменил. Ха! Знамо дело. Силы от плуга – поди, до одури. Так можно и черепа крушить, аки скорлупу. Вот только кто б указал кого? – попытался съязвить долговязый.

– Да ладно тебе. Мы все здесь кто пахарь, кто кузнец, кто пастух. Народ у нас такой – мирно сеет, пашет, в чащах зверя бьет. Пока гром не грянет...

– Ага, я и косарь, и жнец, и на дуде игрец, – игриво пропел долговязый.

– Я и петь еще могу, и бодаться мастер, – добавил второй, с длинным шрамом от уголка губы до самого уха.

Рядом опять захохотали.

– Эй, ты не сильно-то зубоскалься! – рявкнул седобородый ветеран остряку со шрамом, но как-то незлобиво, больше для порядка. – Бодаться он мастер!.. Молоко утри!

– Не-е-е, Смык, тут поспорить могу.

– Ты со мной?! Ха! Не сдюжишь...

– Это как посмотреть! – осклабился долговязый. – Я, например, сын охотника. Не раз с отцом и старшим братом ходили на зверя всякого. Лук держу с малолетства...

– Ну, держать – всяк мастак. А стрелять? – перебил долговязого охочий до острых слов паренек со шрамом.

– Что, стрелять? – спрашивает сбитый с толку долговязый, насупился, не улавливает подвоха.

– Стрелять из лука умеешь, спрашиваю? – растянул рот до ушей остряк со шрамом на всю щеку. – Держать всяк мастер. Ты хоть знаешь, в какую сторону тетиву тянуть?

Опять раздался хохот. Снова кто-то закашлялся. Долговязый сдвинул брови, хмурится, задело.

– Очень смешно! Хотелось бы посмотреть, как ты стреляешь!

– Ага, давайте еще и стрельбы на потеху устройте!.. – пробурчал седобородый ветеран.

– А что, мысль здравая, – подхватил парень со шрамом, ткнул трясущимся от смеха пальцем в хмуро топающего Йошта. – Эй, сын пахаря-воина, ставь яблоко на голову, и двадцать шагов вперед. Да не боись, попаду, за мной не встанет! – Не удержался, звонко рассмеялся. – Ты только шлем на лоб надвинь посильнее.

Рука дружески похлопала молодого карпенского воина по спине. Тот раздраженно дернул плечом.

– Будет у вас еще возможность стрельнуть, будет. Дорога длинная...

– Молчи там! Накаркаешь еще!

Воздух резанул пронзительный свист воеводы. Разговоры и смешки тут же смолкли. Впереди возвышается косогор, торговый тракт круто поворачивает в сторону, теряется в густом перелеске.

У подножия вздымается деревянный шест, на верхушке воткнут человеческий череп, грозно чернеют глазницы, из темени торчит пучок конских волос, ветер подхватывает пряди, тянет в разные стороны.

Чуть дальше виднеется частокол – на ряд сучковатых кольев насажены человеческие головы, рой мух и слепней кружится жужжащим облаком, жадно облепливают отрубленные головы, вгрызаются в мертвую плоть. Рядом догорает сваленная в яму груда сожженного мяса. Ветерок дунул в сторону медленно поднимающегося каравана, колыхнул поднимающийся к небу жидкий дымок. Жуткое зловоние ударило в ноздри.

Лицо купца вмиг стало как сморщенное яблоко, боязливо выглядывает из повозки, косит испуганный взгляд на череп, шелковый платочек тщетно пытается оградить тонкогубый рот от зловония.

– Ты смотри, свежесрубленная, – с удивлением подметил долговязый. – Никак утром еще ходил живехонек.

– Глянь, кажись степняк, вон глаза узкие. Правда, толком не разобрать, – паренек со шрамом внимательно рассматривал одну из голов. Половину лица украшал огромный кровоподтек, нос отсечен, нелепо торчит носовой хрящ. Глаза склевали птицы. – Эка его отделили...

Йошт глянул в сторону кольев, но тут же с отвращением отвернулся, лицо скрутило в гримасе, будто уксуса хлебнул, от смрада к горлу подкатывает дурнота.

Седобородый ветеран бормочет проклятья, зло сплюнул:

– Ну что за народ такой – славяне? То бьют все кому не лень, то поборами обдирают как липку. Почему?

– Не знаю, Смык, – пожимает плечами в миг посерьезневший долговязый. – Может, запрягаем долго...

3

К вечеру выбрались на большую поляну, лес остался далеко за спиной, дальше вновь ровным ковром расстилается степь. Наемники с трудом стоят на ногах, многие с хрипом и кряхтеньем тут же повалились на травяной ковер. Животные устало мычат, фыркают.

Купец что-то тоненько пропищал – привала не будет! Несколько всадников личной охраны вместе с воеводой объезжают изнуренных долгим переходом воинов. Бранятся, кто-то огрызнулся, тут же получил пинок.

Неровный воинский строй двинулся дальше, ноги нещадно гудят от натуги, вечерний воздух наполнился сдавленной бранью и сквернословием.

Солнце раскаленным шаром висит над головой, палит сильнее вчерашнего. Все чаще среди степного ковыля попадаются проплешины выжженной земли, по ней в разные стороны разбегаются трещины толщиной в палец, сапоги с хрустом погребают норки грызунов.

Лес отступает все дальше, грудится у родников и мелких речушек. Редкие одинокие деревья грустно стоят вдоль тракта, понуро опустили ветви, желто-зеленые листья коробит жара, сворачивает в трубочки.

– О, боги! Никто не скажет, почему мы так летим, будто нас навье войско гонит? – еле шевелит посиневшими губами долговязый.

Он чертыхнулся, носок растоптанного сапога угодил в норку, что-то пискнуло – из-под земли вылетел шерстяной комочек, нырнул в соседнюю дыру.

– Велика загадка! Купчина к ромеям торопится, – промычал белокурый паренек со шрамом во всю щеку. – Я уже второй раз так иду, и что тогда, что теперь – скачем по степи, будто петух в зад долбаёт. Тогда тоже недоумевали. Чего как на пожар? Оказалось – не успеваем к отплытию ромейских торговых лодок.

– Да чего гадать! Купец до жути боится наших краев. – Подхватил седобородый ветеран, нарочито держится молодцом – молодым пример! – но по глазам видно, устал не меньше остальных.

– У него там, дома, ирий, что ли?

– Грят, у них там междоусобица одна за другой – отвечает седобородый, облизывает шершавые от сухости губы. – Брат на брата идет с мечом, сын на отца.

– Там – это где?

– Там – это далеко за уральскими горами. Купец-то наш из далекого синьского царства, что лежит на Востоке. Богатая страна...

Йошт лишь усилием воли передвигает давно онемевшие ноги. Голову опустил, в носу свербит от пыли, в глазах стоит дымка, она волнами поднимается с земли и вереницей тянется прямо к солнцу. Но дальше смотреть невозможно – яркий свет тысячами пик вонзается в глаза венеду, выбивает слезы.

– А почто они так? Чего не поделили? – удивленно вскинул брови белобрысый со шрамом.

– Да кто его знает? – пожал плечами ветеран. – Может, и не поделили. Там, слышал, края богатств и несметных сокровищ. Вот и, поди, дележка идет...

Йошт с трудом различает слова, лица перед глазами смазываются, мир вокруг в грязных разводах, дышать с каждым шагом становится труднее. Тяжелым камнем навалилось забытье. В надвигающейся черноте вспыхивают разноцветные огоньки, в голове звенят странные голоса. Слабость наваливается все сильнее, приятное оцепенение растекается по рукам и ногам, наливает свинцом. Внезапно в голову огромным молотом бьет многоголосье!

Йошта словно за шиворот вырывают из приятной прохлады. Внизу живота мерзко подсасывает и скребет. По лицу пробежала страдальческая гримаса. Венед с усилием заставляет веки подняться...

Вокруг радостно галдят, одобрительно кивают, некоторые смеются. Йошта пихнули в бок, он лишь промычал недовольно – сил ответить нет.

– Глянь, а вот и он, Треполье! – радостно воскликнул долговязый. – В прошлый раз этим же путем шли!

– Иди ты... – рядом раздался удивленный голос. – И вправду он...

– Я думал, только к вечеру дотопаем.

– Я б до вечера не дожил бы... И щас кости еле волочу, вот-вот рухну...

Йошт продирается сквозь пелену перед глазами. Мириады светящихся мушек бешеным роем снуют перед проступающей долиной. Через мгновение они уступают место разбросанным на нескольких холмах соломенным крышам, виднеются деревянные поверхи с причудливыми резными коньками. В центре большой холм, вокруг плотное кольцо деревьев, дорога змеей стелется вверх, упирается в высокие деревянные, оббитые листовым железом, ворота. На створках горят выпуклые солнца из желтого металла, точь-в-точь как на кольчужных рубашках дружинников. Сразу за воротами стремятся вверх двускатные крыши теремов, на макушках – цветастые хоругви лениво теребит ветерок. От града веет прохладой – сразу за городским холмом широкой дугой изгибается Днепр.

– Тре-поль-е... – медленно проговаривает смуглолицый воин. – А чего назвали-то так?

– Не знаю. Наверное, большой, как три пахоты, – пожимает плечами долговязый. – Или вокруг него три поля, или...

– Дурень, этот град поделен на три области – сиречь поля, – перебил седобородый ветеран. – В каждом разные жители: торговцы, князь с дружиной, мастеравые.

– Это как наши слободки, что ль?

– Вроде того...

Восточная часть Треполья бежит вниз по склону, теряется в плотном лесу. Рядом из-под земли бьет ключ и тут же уползает под тенистые деревья. Чуть поодаль небольшое святилище и несколько срубных землянок, гордо стоят полукругом деревянные божки, в центре тлеет, подмигивая красными углями, костерок.

Йошт повеселел, прохладный ветерок приятно обдувает иссохшую кожу, ерошит волосы, ноги как-то само собой ускоряют шаг. Кузнечики искрами взлетают из-под истертой обуви.

– Ну наконец-то отдых, – облегченно говорит белокурый молодчик с рубцом во всю щеку. – В тенечке прикорнуть – милое дело! Да водицы свежей испить, моя теплая, до рвоты противная...

– И пыль смыть не помешает.

– Да пожрать бы чего...

– Эй, вы не очень-то губу раскатывайте, – бурчит ветеран. – Купца ваш отдых не очень-то заботит. А этот так вообще гад редкостный. Так что час отдыха – считай, расщедрился, милостью нас одарил.

– Вечно ты, Смык, жути нагоняешь! – недовольно произнес парень со шрамом. – Наш купчина-толстопуз и сам под солнцем спекся. Гляди на него – красный как сваренный рак! Да и кони у него не железные. Еле тянут, пеной захлебываются. Думаю, часа два-три, не меньше...

– Твои б слова да богам в уши...

Караван встал рядом с родником. Радостная весть вихрем облетела купеческий стан – встали на постой до утра. Обрадованные наемники бегают взад-вперед как сумасшедшие. Одни отстегивают уставшую скотину, другие тащат к прохладной водной полоске бадьи,

жбаны, ведра. Третьи раскладывают купеческий шатер, ломая голову над диковинной конструкцией, спорят, иные друг другу раздают оплеухи.

Йошт зазевался, получил увесистый удар древком копья по шее, тотчас подключился к работе. Но ноги не слушаются, заплетаются, от усталости и жары вновь перед глазами темнеет. Окованный стальными полосами жбан с водой не раз выскальзывал из трясущихся от усталости рук, приходилось идти обратно к реке. Венед чертыхается, бросается гадами, бормочет в сторону купца ругательства. Несколько раз для бодрости окунался головой в прохладную воду, но облегчения – на пару минут, не больше.

Все же Йошту удалось незаметно ускользнуть от строгого глаза воеводы. В неприметном углу от поставленных боками телег устроился, в полудреме грызет былинку, тень шелковым покрывалом окутала рыжеволосого паренька.

Неподалеку князьи посыльные от Треполя о чем-то переговариваются с дружинниками, кланяются заморскому купцу, спорят, кивают в сторону города.

Купец в повозке сидит без движения, глаза сквозь узкие щели кажутся закрытыми, дремлет. На него уставились несколько пар глаз, ждут решения. Наконец он крикнул, махнул рукой, коротко кивнул посыльным, кричит, переминается с боку на бок. Раб с готовностью поправляет помятые толстым задом подушки, разминает затекшую спину купца.

Посыльные радостно гикнули, пришпорили коней, едва не врезались в людской поток у поднимающегося к воротам раскатанного телегами тракта.

– Вот ведь как. Даже в отдых прибыль не упустит, – сквозь сладкую дрему услышал Йошт.

– А на то он и купец, чтоб о прибытке заботиться.

Кнут всадника рассек воздух, плетью звонко щелкнула возле широкой спины рослого детины, тот отскочил в сторону, копыта звонко выбивают дорожную пыль. За всадником неспешно едет воевода, глядит поверх голов. За ним раскачиваясь ползет купеческий фургон, слышны щелчки погонщиков. Крестьяне и ремесленный люд уступает дорогу к воротам, с почтением клонят головы, глаза скользят по материи заморского фургона. На алом полотне застыли птицы без перьев с большими головами, свирепые драконы с длиннющими усами. За купчиной тяжело ползет груженная доверху повозка, поскрипывает, считает ухабы.

В град Треполь велено никого не пускать. Назначенный вместо воеводы старшина словно огрел огромной грязной палкой меж ушей – из лагеря ни ногой! – завтра на рассвете в путь, воевода обещал всех пересчитать по головам. Кого не досчитается, высечет прилюдно. Воеводу знали как облупленного – слово сдержит.

Наемники разбрелись кто куда, лица злые, недовольные. Один за одним в долине зажигаются костры, в нос бьет вкусный запах жареного мяса.

Йошт оторвался от палочки, внимательно рассматривает – свистулька не выходит, – недовольно цокнул, костер с жадностью поглотил деревяшку.

Венед окинул взором утонувшую в темноте поляну: яркими точками горят костры, волы заботливо накрыты рогожей, громко посапывают, слышится тихое ржание пасущихся у реки коней. Но взгляд как заговоренный косится на стены Треполя, на высокие поверхи боярских теремов. От городских улочек вкусно несет хлебным духом, острый запах дубилен вперемешку с кисловатой гарью кузниц приятно щекочет ноздри.

Седобородый ветеран долго перемешивает обереги в кожаном мешочке, достает по одному, бросает на землю. Третий раз кряду выпадает одно и то же: сокол, меч, огонь. Ждет впереди сеча страшная...

– Смык, да брось ты эти деревянные! Давай лучше кости перекинем, – предложил долговязый. На него зашикали.

– Я вот и бросаю... Недобрые знаки, недобрые... – задумчиво произнес ветеран, бросил еще раз. Вместо сокола выпала змея. Рядом в ухо цыкнул парень со шрамом во всю щеку. – А что до костей – как бы свои не сложить.

– Типун тебе, Смык!

– Чего под руку говоришь? – буркнул недовольно ветеран. – Надо еще разок бросить...

Все замерли, не дыша следят за рукой ветерана, смотрят вслед брошенным на траву дощечкам, те крутятся, вертятся. Воины шлепают губами, заговаривают на удачу. Но вновь «птица», «меч» и «пламя». Все разочарованно выдохнули, кто-то сплюнул, ругнулся.

– Ты давеча хотел удаль показать? – обратился парень со шрамом на лице к долговязому, кивнул на обереги. – Как видим, случай представится...

– Да уж, заговорил на путь-дорогу... Плесни-ка лучше кваску.

Йошт и сам хмурится, смотрит на палочки. В гадания хоть и не особо верует, но холодок при каждом броске гадальных палочек покусывает низ живота. А может, и вправду впереди сеча? Да ну его, в сердцах махнул рукой Йошт, тоже мне, ведун-кудесник!

Из-за трепольских ворот послышался протяжный звук дудочки, ей вторят нестройные голоса, хлопки в ладоши, смех.

Наемники умолкли. По лицам пробежала тень.

– Веселятся! – буркнул парень с рубцом на щеке. – А мы тут землю задницами полируем!

– Это купец виноват! – раздраженно гаркнул долговязый. – И воины его – все как один морды степняцкие. А все одно – им дорога открыта в град любой. Потому как гости, мать их, заморские.

– Да враки это, – сморщил гримасу седобородый. – Дело в другом. Вот, други, только представьте – с полсотни таких, как мы, пустить в город, ясное дело, с дороги кто брагой, кто молодым вином, пивом пенным жажду станут утолят. Э-э-эх! – бросил ветеран в сердцах, махнул рукой. – Такое, братья, начнется...

– Это ты верно заметил, Смык, – довольно лыбится парень со шрамом. – Весь город с ума сойдет – так гулеванить начнем!

– Ага, а там и кулак почесать захочется о чью-нибудь хмельную голову. И поводы найдутся враз...

– И не говори!

– Никак боятся нас?

– А чего нас бояться – мы ж не враги какие, свои...

– Свои... Свои разные бывают! – замечает седобородый ветеран. – У нас в деревне как-то почти все куры пропали, так тоже говорили – свои...

– Да зачем нам их куры-то, шчас бы пива пенного, холодненького глотнуть... – мечтательно, аж зажмурившись, говорит долговязый. – А там и потешиться можно, девиц в граде видимо-невидимо.

– Ох, раздражил! Мне уже не терпится шмыгнуть за изгородь, напиться и дивчину какую на сеновал, – захохотал парень со шрамом. – И чтоб обязательно с косами, их хорошо на кулак наматывать...

Опять воздух содрогается смехом.

– Я недавно одну приметил: коса до пояса, глаза большие, как золотые монеты ромеев, щеки румяные, как спелые яблоки, и вообще девка самый цвет – кровь с молоком.

– Эй, хватит дразнить!

Долговязый заговорщицки подмигнул.

– А ежели рискнуть? Ночью через стену перемахнуть – плевое дело! – предложил долговязый, а сам косится на ветерана. – Помню, как в прошлый раз стояли мы возле...

– Это кто там под покровом ночи куда собрался? – обрубил седобородый. – Кто осмелел?!

Все хихикают. Долговязый и парень со шрамом картинно смотрят в небо, посвистывают, мол, я не я и корова моя с краю.

– Нишкни! Наказ старшины не слышали? Я вам щас каждому огрею по уху, прочищу – чтоб слышали в следующий раз!

Все недовольно сморщились, они, конечно, помнят про воеводин наказ.

– Так что советую заняться чем-нибудь полезным, а в сторону града даже косо не смотреть! Ослушников воеводе самолично на аркане притащу.

– Ну что ты, Смык, даже в мыслях не было.

– Ни к чему нам туда.

– Разве что девок молодых пощупать маненько.

Наемники развеселились, глаза в отблесках пламени смеются, кто-то бросает колкие шуточки. Слышится хохоток. Седобородый ветеран мотнул головой, рявкнул, но сталь в голосе куда-то улетучилась:

– Ладно-ладно! Разгалделись! Вы мое слово знаете.

4

Тени заметно удлинились. Солнце уже царапает краешком горные пики вдали, разноцветьем переливается снег на вершинах. Вокруг застрекотали сверчки, им вторят жабы из окрестных болот.

Массивные, оббитые стальными полосами, трепольские ворота с грохотом захлопнулись за рыжеволосым венедом.

Йошт вжал голову в плечи, нервно сглотнул – впереди истуканами стоят суровые воины. И без доспехов видно – богатыри могучие, мышцы бугрятся, кольчужные кольца едва не лопаются, руки словно мощные дубовые ветви, двумя ладонями не обхватишь.

Венед неуверенно шагнул вперед. Один из привратников коротко глянул на него, Йошт ощутил твердый как камень, взор на себе, руки похолодели, ноги сделались будто ватными. Воин хмыкнул, равнодушно отвел глаза, взор устремился куда-то вдаль. Карпенец с облегчением выдохнул, ноги шагнули вперед.

Сзади тяжело бухнуло. Венед обернулся – с десяток мускулистых детин бросили огромный дубовый засов на петли ворот. Охранник-исполин деловито прохаживается вдоль них, толкает кондовое дерево, проверяет железные петли, кивает – такие врата не каждый таран возьмет.

Йошт ощутил холод в животе, в голову ударило: обратно вернуться-то не выйдет. Карпенец озабоченно вздохнул. В раздумьях сделал шаг, другой. И не заметил, как его мгновенно подхватила суетная жизнь вечернего города и понесла вперед.

Голова ошалело вертится в разные стороны – высокие деревянные башни, по каждой доске взбираются вверх причудливые узоры, на верхушке блестят островерхие шлемы лучников, под ногами поскрипывает деревянный настил, крестьяне с мешками и ведрами устало топают рядом, под ногами путается весело галдящая ребятня.

Дальше дорога упирается в городскую площадь. Йошт ахнул: в центре стоит высокий идол Перуна из чистого золота, глаза горят крупными – с куриное яйцо – рубинами, у подножия несколько стрел, обоюдоострая секира. На жертвенном камне жарко полыхает огонь, рядом лежит пара обезглавленных петухов.

Недалеко слышится веселая мелодия дудки-жалейки, кто-то подпевает звонким голосом, по краям площади несколько крытых повозок, возле них толпятся люди, ребятня проталкивается между телами, их выталкивают обратно, показывают кулак, шикают, а молодежь смеется, кружится, путается между ног.

Йошт подошел поближе, услышал нарочито игривые голоса – пискливые мышинные голоски вперемешку с медвежьим ревом. Толпа то взрывается смехом, то источает ругань и проклятья.

– ...Урус! Урус! Гадкий урус! Землю вашу захватим, пожжем ваши деревни! Убивать, крушить! – пропищал противный голосок.

– Прочь, шакалы степные! – прогремел голос из повозки. Люди одобрительно загалдели, кивают, тычут пальцами. – Руки прочь от земли славянской!

Йошт бесполезно и тщетно пытается протолкнуться, просочиться сквозь людскую стену обступивших актерскую повозку. Венед получил под дых, сплюнул и встал на цыпочки. Поверх голов с трудом различимы миниатюрный деревянный помост, накрытый оранжево-красной материей, зато никто не пихает. По матерчатому полю скачет деревянная фигурка богатыря, меч обнажен, плащ развевается на ветру.

– ...Да узрите вы мощь оружия русского! – громыхает голос богатыря из повозки. – Да паразит вас гнев Перунов!

От витязя улепетывают раскрашенные в черное фигурки на коротконогих лошаденках, скорее похожих на собак, чем на благородных скакунов. Вдруг послышался непристойный звук – это черные фигурки, улепетывая со всех ног, от страха портят воздух. Толпа взорвалась смехом, Йошт тоже растягивает рот в улыбке.

Еще чуть-чуть и убегут трусливые степняки, но богатырь догоняет их и разит мечом. Они с воплями падают, барахтаются в дорожной пыли, пищат, жалобно поскуливают, будто собака, которую спровадили пинком подальше от курятника, просят пощады. Витязь медленно подъезжает к ним, держит меч наготове, говорит:

– Получите свое, степные шакалы! И знайте: кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибель свою найдет!

Фигурки замерли, начал опускаться сшитый из разных лоскутков материи занавес.

Народ благодарно хлопает, улюлюкает.

– Еще! Давай еще!

Занавес, будто услышал просьбу, пошел вверх, но когда поднялся – в повозке там стоит низенький безусый паренек в цветной, расшитой цветами и деревцами рубашке, подпоясан красным кушаком, кланяется. Невинные мальчишеские голубые глаза рассматривают довольных, хлопающих в ладоши зрителей. Потом занавес вновь опустился и больше не поднимался.

Довольные зрители неохотно расходятся, только мальчишки все еще вертятся под ногами взрослых, смеются, улюлюкают, изображают богатыря на коне, смешно подражают его голосу.

Йошт с неохотой идет дальше. Площадь осталась позади, дорога вновь сужается до неширокой улочки. Она ныряет между деревянными постройками, небольших огородов, садилов. Вынырнув из густо расписанного красным и синим очередного боярского терема, дорога опять расширяется и вливается точно река в большое озеро, именуемое торговой площадью. В центре возвышается каменное изваяние Велеса, у подножия пучки трав, колосья пшеницы, горстки овса, корзиночки с изумрудным хмелем.

По краям округлой площади смиренно стоят ремесленные мастерские, крытые лавки торговцев, глаза разбегаются от обилия товара.

Печные трубы мастерских, пекарен и кузниц дымят. По сторонам застыли стражники, в руках щит и длинное копье с закорючкой на конце – попадется вор, тут же этим багром и сцапают, выволокут из толпы. Суровые глаза скользят по разношерстной толпе, высматривают нерадивых. Люди толкуются возле лавок, прицениваются, спорят.

– Яблоки наливные, бока румяные!..

– Не проходи мимо! Подари платок любимой!

– Эй, народ честной! Покупай каравай золотой!

У венета голова идет кругом. Со всех сторон слышно то звонкое постукивание кузнечного молота, то режущее ухо шварканье плотницких пил, звучные голоса торговцев-зазывал, скрип и скрежет дубильни. В воздухе повисла смесь хлебного духа, свежеструганного дерева, благоухание диковинных заморских благовоний и масел, горьковатый привкус угля и жженого железа.

Йошт остановился возле хлебной лавки, глотает слюну, глаза бегают по сладкой сдобе, пахучим булкам. Пекарь веткой отгоняет назойливых мух.

Рядом бухнуло словно молотом:

– Сталь булатная! Топоры каленые!

Возле кузнечной лавки крутится ребяшня, громогласно выражает восторг. Венед глазам своим не верит – кроме привычных мечей и кинжалов, дразнят взор замысловато извилистые клинки, тонкие, с самоцветами в рукояти и заморскими письменами на блестящих лез-

виях. Рядышком наконечники копий замысловатых форм – ползущие ящерицы, змеи, голова ястреба, оса с выставленным вперед жалом.

Йошт нехотя оторвался от такого богатства оружейного дела, как вдруг согнулся пополам, сердце ухнуло куда-то в желудок, по спине побежали крупные, размером с воробья, мурашки. Его взгляд споткнулся о стоящую неподалеку повозку синьского купца, рядом возле лотка с тканями застыли его желтолицые воины, узкие щелки глаз окатывают округу.

Венед нервно сглотнул, вспомнил наказ воеводы и незаметно шмыгнул с площади.

В нос бьет пьянящий запах жареного мяса, Йошт от удовольствия аж зажмурился, рот наполняется слюной, живот сводит от голода. Йошт огляделся и совсем рядом приметил корчму в два поверха, на входе стоит прочная коновязь, прямо над входом горят два крупных масляных фонаря.

Йошт быстро юркнул к корчме, высунулся через порог. Внутри рядами стоят дубовые столы и лавки, на них устроились купцы, что-то тихо обсуждают, чумадые ремесленники торопливо лопают щи из глиняных горшков, воины громко стучаются чарками, размахивают во все стороны чубы, смеются, довольны чавкают.

Между столами снуют безусые отроки в белых фартуках, в руках чарки пахучей медовухи, бутылки ароматного вина, горшки с кашей на медных подносах. В дальнем углу рядом со стойкой корчмаря на открытом огне жарится тушка кабанчика, капли жира срываются на уголья, те грозно шипят, бросаются струйками пара, воздух в корчме наполнен разными запахами, но этот перебивает все и ползет на улицу, лучше всякого зазывалы завлекает под своды корчмы новых клиентов. Йошт облизнулся.

Вдруг Йошт взглядом напоролся на высокого воина в дорогой кольчуге, в центре блестит железное солнце. Шлема нет, тускловатый свет падает на покрытую испариной бритую голову, белокурый чуб лисьим хвостом ниспадает на плечо.

Взгляды их встретились. Несколько мгновений они смотрят друг другу в глаза. Внутри венеда жутко похолодело, губы сжались, стали белыми, глаза страшно вытаращил. Один из их старших дружинников тоже узнал рыжеволосого карпенца, глаза – в недоверчивом прищуре. Он поднялся со скамьи и медленной походкой направляется к выходу, сапоги звонко чеканят по дощатому полу.

Йошт стрелой вылетел из корчмы, устремился вниз по улице, обернулся. Дружинник медленно идет за ним, след вслед. Венед, бросаясь проклятиями, бестолково озирается по сторонам. На его спасение рядом возле колодца толчется народ, громыкает ведрами. Йошт шмыгнул в пеструю группу людей, едва не столкнулся лбом с каким-то хмурым детиной, тот грозит кулаком, больше походившим на бочку. Дернулся в другую сторону, случайно подтолкнул какого-то седоволосого старика в выцветшей рубахе, но вовремя ухватил его за шиворот, не дал упасть. Мужик соорудил недовольную гримасу, отчего его изборожденное морщинами лицо превратилось в сморщенную грушу, брошенную на жаркие уголья, зло сверкает глазами. Йошт неуверенно улыбнулся, будто извиняясь, и тут же исчез в толпе.

Венед обернулся, дружинник застыл посреди дороги, руки в бока, жадно вглядывается в стороны.

Йошт облегченно вздыхает, но тут же дрожь ударила волной – дружинник приметил венеда и, ускорив шаг, направляется к нему. Венед воротит голову по сторонам, по лбу скользит соленая струйка. В голове молотом бьет строгий голос воеводы.

Йошту опять повезло – недалеко ползет вниз по дороге крытый фургон кукольника – того самого, с площади. Йошт со всего маху влетает внутрь фургона, под ногой что-то с треском лопнуло. Венед вжал голову в плечи, старается не дышать, всматривается в темноту. Вроде никого.

– Ну погоди, сволота!.. – услышал Йошт гневный вскрик. – На глаза попадешься – пожалеешь, что родился!

Дорога пошла вниз, колеса скрипят, легонько подпрыгивают на камешках.

Рыжеволосый венед прильнул к грубой материи фургонного навеса, осторожно отодвигает край, сквозь крохотную щель глаза жадно вонзаются вдаль. Точно – никого.

– Уф! Пронесло... – облегченно выдохнул беглец, пальцы размазывают по лбу капельки пота.

Вдруг из переулка выныривают два высоченных стража, с усилием за шкуру тащат двоих – один длинный и худой как жердь, другой с большим уродливым рубцом во всю щеку.

Долговязый упирается ногами, его волокут за шкуру, орет похабщину и огрызается, тут же получает пинок. Паренек со шрамом не сопротивляется, идет смиренно, угрюмо смотрит под ноги.

– Попались, голубчики! Вот потеха-то на сон грядущий будет. – С издевкой хихикнул про себя Йошт.

Он довольно цокнул, представляет как этих двоих поднимут вверх голыми задницами и на смех другим будут сечь наотмашь, те будут корчить рожи от боли и стыда. Но потом осекся:

– А мне с утраца... Дернул бес залезть в эти Три поля!

И с головой зарылся в пахнущем мышами и краской тряпье.

5

Острая боль ножом вонзилась в затылок – повозка споткнулась о камень. Венед, прогоняя остатки дремоты, осторожно шупает быстро набухающую шишку, кривит губы.

Фургон наклоняется вбок, поворачивает. Молодой воин из Карпени отодвинул краешек навеса, выглядывает наружу, дорога узкой колеей уползает вниз, петляет между берез, плетеных заборов, обходит стороной огорода и цветники.

Йошт в один прыжок очутился на пыльной тверди, оглядывается по сторонам. Вокруг невысокие деревянные срубы вперемешку с глинобитными избами, соломенные крыши горят оранжевым пламенем в свете заходящего солнца. За постройками тянутся огороды, яркими пятнами вспыхивают садики цветами, в глазах рябит от разноцветья. Пахнет скошенной травой и конским навозом.

На улочке пустынно, несколько полусогнутых фигур чернеют в овинах, подкидывают пуки сена коровам, другие закрывают на ночь курятники, третьи гремят ведрами, таскают воду в дом. До уха доносится повизгивание поросенка, ленивый лай одинокой собаки.

Уже темно – хоть глаз коли, а Йошт в нерешительности переминается с ноги на ногу. Обратной дорогой идти боязно, обязательно сцапают не свои, так городские, никому не понравится шастающий в ночи чужак.

Венед быстрым шагом топают по разбитой телегами тропе, она сползает вниз, исчезает в темнеющей рощице. Рыжеволосый карпенец силится вспомнить, с какой стороны городского холма бьет тот самый родник, что ведет прямо к купеческому лагерю.

Березовые стволы вперемешку с молодым дубняком молчаливо провожают венеду, с каждым шагом он ощущает вопросительные взгляды на затылке, не деревьев ли? Йошт часто оборачивается, но позади лишь утопающие во мраке безмолвные стволы да кустарник.

Тропа под ногами так и норовит убежать куда-то в сторону – то исчезает, то вновь неожиданно выпрыгивает из кустов орешника. Воздух в роще как будто загустел – хоть руками разгоняй! – однако в груди приятно щекочет, словно глотаешь морозный дух.

Тишина вокруг пугает, даже трава под ногами не шуршит.

Йошта клонит в сон, отяжелевшие ноги едва слушаются, будто к ним приковали пудовую гирию, цепляют корневища.

Венед трясет головой, пару раз звонко щелкнула пощечина, на мгновение в голове прояснилось, но потом вновь сонливость накатила мощной волной. Йошт с трудом сделал пару шагов и без сил рухнул в траву, земля показалась мягкой, как пуховая перина.

Перед глазами колыхнулся воздух, пошел кругами, как от брошенного в воду булыжника. Дымка перед глазами вновь дернулась, и теперь Йошт с удивлением видит родную избу, на крылечке старший брат чинит орало, рядом крутятся малолетние сестры, разлетаются во все стороны длиннющие косы. Из окошка плывет сытный дух, матушка печет пироги с клюквой.

Картинка содрогнулась, почернела, стала сворачиваться, будто кусок бересты от сильного жара. Вспыхнула бескрайняя степь, к небу столбом поднимается пыль от тысяч конских копыт, крики, гиканье, протяжно заревела походная труба.

Ей вторит еще одна, потом еще и еще... Внезапно перед глазами всплыло добродушное мужское лицо. Отец? Йошт глядит на кивающее лицо, оно сдержанно улыбнулось, подмигивает.

Впереди шагают ровным строем воины. Бесконечной колонной тянутся вперед, туда, где кружатся в дикой пляске кони, ослепительно ярко взрываются всполохи огня, к небу тугими жгутами поднимается жирный дым.

Йошт сбросил оцепенение и бросился в толпу. Распихивает впереди идущих солдат, те молчат, даже не смотрят в его сторону, лица пугающе спокойные. Они лишь двигаются вперед, в руках копья, густо покрытые выщербинами и сколами мечи, боевые топоры. Йошт кричит, срывает глотку, зовет отца, но тот как сквозь землю провалился. Он в бессилии дергает кого-то за рукав, но тот лишь невидящим взором смотрит вперед. Воздух пошел рябью, почернел.

Йошт открыл глаза, резко хватанул воздуха. Сердце очумело бьется о ребра, холодная струйка скользит по виску. Перед глазами все еще стоит улыбающееся отцовское лицо и этот строй солдат, упрямо шагающий вперед, в темноту, иногда вспыхивающую ослепительными вспышками.

«Неужто отец попал в пекельное царство?» – как вихрь пронеслось в голове венеда. И теперь Чернобог огромной палкой вращает по кругу, выжигает его кости, мучает, отбирает самое лучшее, что осталось у папаша.

Во рту пересохло. Йошт облизнул сухие губы, приподнялся на локтях, глаза пробежались по поляне.

Тихо. Йошт глубоко вздохнул, ночная свежесть бодрит. Он смотрит на черное небо, рисует замысловатые фигурки от звезды к звезде. Голова вновь приятно отяжелела, глаза сомкнулись.

Венед брезгливо поморщился – что-то мокрое и теплое слюнявит щеку. Йошт, не открывая глаз, недовольно отмахнулся, что-то взвизгнуло, но вскоре щеку Йошта опять упорно мусолят. Он выругался, подскочил, кулаки наготове.

Глаза привыкают к темноте, перед ним стоит огромный лохматый пес, язык лопатой, часто дышит. На морде, похожей на медвежью, ликующе горят черные пуговки глаз, псина радостно поскуливает, машет из стороны в сторону обрубком хвоста.

– Ого! Ты чей такой? Я таких раньше не видел, – произнес Йошт, кулаки сами собой разжались, губы растянулись в улыбке.

Пес взвизгнул и прыгнул на венеда, повалил на траву. Йошт опешил от такой прыти исполинского зверя, испуганно выставляет руки вперед, пытается оттолкнуть обезумевшее животное. Венед пытается кричать, звать на помощь, но от страха язык онемел. Паренек уже чувствует, как мощные челюсти с клацаньем смыкаются на его шее...

Йошт зажмурил глаза, подавился, стал отплеываться. Чудовище старательно вылизывает лицо, радостно визжит, язык-лопата шлепает по лбу, щекам, глазам.

Венед наконец вырвался из объятий дурной собаки, отползает в сторонку, морщится, с отвращением смахивает с лица густую собачью слюну. Пес приблизился, тихонько поскуливает, тычется мордой Йошту в грудь, глазки жалостливо смотрят на него, как будто просят: «Погладь! Почеши за ушком!»

Йошт робко поглаживает псину, кисть утопает в шелковистой шерсти, от собаки пахнет чем-то домашним, теплым.

– Заблудился, наверное...

– Это мой! – рядом раздался бархатистый голос. Йошт вздрогнул. Из-за спины огромной псины вышел низкорослый старичок. – Убег, проказник. Резвиться любит, зверье по кустам гоняет. Хорош?

– Ты кто? – спрашивает Йошт, глаза, пообвыкнув к темноте, с живым интересом разглядывают старичка с головы до пят. Низенький, Йошту едва по пояс, аккуратная белая борода, на голове блестит лысина, на макушке – будто островок – клок седых волос, свисает до плеч.

– Старик, разве не видно, – приветливо отвечает он. – А это мой дом.

– Отшельник, что ль?

– Скорее странствующий затворник. Живу среди деревьев и кустов, к людям выхожу редко. Они ко мне сами приходят. – Старик-затворник пронзительно посмотрел венеда в

глаза. – Ишь ты, новое лицо! Я тебя здесь никогда не видел, – услышал Йошт мягкий басистый голос, избегая буравящего взгляда старика.

– Я... издалека. Из Карпени, Йоштом зовут.

– Йошт, значит... Карпень... Хех, страна кипучих ручьев, высоких гор и непролазных чащ... Доводилось бывать, – задумчиво кивает седой странник, потом опомнился, добавляет: – Ну что ж, милости прошу, гостем будешь.

Старец тяжело опустился на траву, кряхтит, зад приминает траву, не может нащупать место поудобнее. Йошт устроился рядом, взгляд продолжает рассматривать фигуру старца.

– Старость... – виновато разводит руками лесной житель.

– Какой же вы старый? Вон мышцы какие, воеводы позавидуют.

Венед не льстит – простая льняная рубаха едва по швам не расходится от упругих мускулов, разлохмаченные кисточки свисают с широкого желтого пояса, рядом пристроилась чаша в виде турьего рога. Старик сильно напоминает богатыря, только миниатюрного.

– Перестань! – он отмахнулся. – Мне лет ого-го!

– Гм, это сколько?

– Треполь – мой ровесник.

– Такой молодой? А я думал, ему больше...

– Ему тысячи лет.

– Ого! Разве столько живут?

– Некоторые и побольше моего. Я на покой пока не собираюсь, а сколько лет впереди – мне неведомо... Это от людей зависит.

– Как это?

– Понимаешь, раньше ко мне часто хаживали и волхвы, и князья, и простой люд. – Неуверенно отвечает старец, смотрит куда-то под ноги. – Но сейчас больше травников встречаю. Наверное, и они скоро перестанут ко мне заглядывать – град бойко торгует, богатеет, ни к чему становится святая роща, а она без людей умрет. Тогда погибну и я...

Старец задумчиво смотрит ввысь, поглаживает бороду. Потом резко повернулся к Йошту.

– Что-то я щебечу, аки соловей, совсем позабыл, что гостя накормить – первейшее дело! – Старик игриво подмигнул. – Отведаете чего?

Йошт вдруг вспомнил, что страшно хочет есть, живот свело до рези в боку.

– Не откажусь...

Старец долго роется в кармане штанов, тяжело посапывает, наконец что-то достает. Йошт с удивлением разглядывает в протянутой ладони крохотный берестяной кулек. Йошт осторожно принял из рук старика малютку, но тут же выронил – кулек оказался немислимо тяжелым. Он упал, чвыркнул, содрогнулся и стал раскрываться, будто половозрелый цветок.

Венед вскинул брови, оторопело рассматривает, как берестяная кроха разрастается до размера огромной скатерти, а на ней уже готовые кушанья. От яств разбегаются глаза: глубокие миски гречневой каши с мясом, запеченные рыбины, заливной язык, горка сладкой репы в масле, корзинки с овощами и фруктами, грибы в сметане. И много пустых тарелок.

– Перестарался малость... – задумчиво произносит старик, потом оживился, щелкнул пальцем: – Исправим!

Он хлопнул в ладоши и со скатерки исчезли лишние миски, чаши, зато выросли глиняные кувшины, внутри играет белый напиток.

– Это сурья, она вкусная. – Старик отпил глоток, довольно крякнул: – Уф! Бодрит!

Йошт подхватил кувшин, нюхает, жадно приложился. Кисло-сладкое питье щемящей волной прокатилось по телу. Венед оторвался от сосуда, зажмурился от удовольствия, отпил еще.

– Эй, много-то не пей на пустое брюхо! Быстро захмелеешь.

Йошт отставил кувшин в сторону. В нос ударил мясной дух, сладковатый аромат гречихи, во рту скопилась слюна, едва не капает на землю, живот негодуяще рычит.

– Угощайся. – Старик приглашающе протягивает руку к самобранному столу.

Но венед почему-то сидит, старик ловит вопросительные взгляды.

– Чего-то не хватает? – спросил старец, рассеянно хлопает густыми ресницами. – Ах да! Кто ж в темноте вкушает!

Он быстро достал из другого кармашка ивовую палочку, подмигнул, бросил на траву. На палочке вспыхнули, забегали крохотные огоньки, они растут, сливаются в единое пламя, Йошт зажмурился от яркого света, отстраняется.

– Жарковато... Так и рощу спалить недолго! – Старец протягивает ладонь к огню, горячие языки касаются кожи, содрогаются, пламя пошло на убыль, превратилось в небольшой костер. – Ну вот. Другое дело!

Он улыбнулся, посмотрел на Йошта, но венед по-прежнему сидит, смотрит грустными глазами.

– Не то?

Старик непонимающе чешет затылок, шлепает губами, внезапно хлопнул себя по лбу, вновь щелкнули пальцы. На скатерти тут же появилась целая гора всевозможных ложек – медные, деревянные, серебряные. Брови венед невольно поползли вверх – у всех ручки плавно переходят в лебедей, жаворонков, голубей и еще каких-то совсем причудливых птиц.

– Я ж забыл, что теперь ими орудуют. А раньше как-то руками обходились...

Йошт поначалу ест робко, отщипывает кусочки от теплого хлеба, потом подхватил миску с кашей, деревянную ложку и стал сгребать с краев наваристую с мясом гречиху, миска горячая, каша обжигает рот, Йошт вкусно жует. Старик довольно смотрит на карпенского паренька, кивает.

Совсем рядом громко треснула ветка, зашелестели кусты, округу огласил протяжный вой невиданного зверя, хрюканье и чавканье. Лохматый пес зарычал.

Йошт таращит глаза в темноту, с раскрытого рта валится каша. Из примыкающих к полянке берез и молодого дубняка вспыхнули разноцветные глаза, немигающим взором следят за Йоштом.

– Опять расшалились, – недовольно произнес старец, помогает гостю откашляться. Сдвинул брови, крикнул сердито: – Кыш отсюда! Гостя спугнете! Вон, уже трясется как осиновый лист на ветру.

Глаза один за одним стали гаснуть, хрюканье и чавканье прекратились.

Йошт перевел дух, с интересом рассматривает старичка. Лицо у него веселое, светится задором как у ребенка.

– А вас как кличут?

– Разве не сказал? – удивился старик, скребет лысину. – Старею, старею... Люди меня Кродо зовут. Эй, ты чего рот раззявил? Смотри, муху проглотишь. Богов, что ль, никогда не видел?

Венед с трудом протолкнул кусок в горло.

– Не-а...

– Ну дела!.. Раньше мы вообще среди людей ходили, иные настолько часто, что потом смотрят на ребятню и удивляются: «Что-то больно на меня похож». Помню одного такого – здоровенный детина, сызмальства бродил по лесам, бил зверя разного, первый в округе охотник! Но потом все больше к людям, к людям. Эх! – махнул рукой Кродо, лоб рассекли морщины. Добавляет немного грустно: – Радегастом кличут. Может, слышал?

– Раде...гаст? Охотник? – шепотом переспросил Йошт, глаза вытаращил. – Так ему же разбойники поклоняются! В наших краях его чтят. А я и не знал, что он... сын божий.

– Угу, – кивает бог. – Самый любимый, младшенький...

Венед опять закашлялся, репа не в то горло угодила.

– Силы недюжинной, Бера, то есть медведя, как кутенка, одной левой! – продолжает мечтательно Кродо, услужливо хлопает Йошта по спине. – Ему бы дружины водить царские, а он все по лесам да морям – водит за собой рвань всякую, разбоем промышляет. Дурень!

Старец тяжело вздыхает, смотрит на Йошта.

– Постой, никак и ты в разбойнички подался?

Йошт отрицательно покачал головой, никак не может отдышаться.

– Эт хорошо. Отбирать чужое – последнее дело. А чего у тебя сапоги военные, ратник, что ли? Хотя худоват для воя...

– Я с купцом.

– Это тот самый, что внизу лагерем встал? Тогда понятно, охранничек, значит. Ну и времечко – мельчает дружина, ох, мельчает... Тьфу!

Венед смутился, отложил в сторону надкусанное яблоко.

– Да ты не обращай на меня внимания. Это так, старческое. Ты ешь-ешь!

Вдруг в кустах опять зашелестело, гукнуло.

– Вот негодники. Скучно им! – весело оправдывается Кродо.

Но Йошту спрашивать «кому?» что-то не захотелось. И так спина и руки пошли гусиной кожей.

Старик и без вопроса перечисляет, кивает в беспокойную темноту.

– Это духи леса, лешие там всякие, окоемы, прокуды, лизуны... Мгновение!

Старец вновь что-то ищет в бездонных карманах.

– Куда же я ее? Ага! Вот она...

Кродо протягивает руку венеду, на ладони деревянная дудочка. – Это жалейка. Я им сыграю – они и утихнут.

Воздух содрогнулся, пошел волнами. Чарующая мелодия бьет фонтаном, струится, будто прохладный ручей в выжженной солнцем степи. Звуки на мгновение замирают в воздухе, потом сбиваются вместе, ярим вихрем проносятся по опушке, заставляют дышать чаще, а сердце биться сильнее.

Йошт с интересом рассматривает жалейку, маленькие пальчики старичка проворно бегают по дырочкам. Человек так не сможет, старик не врет, точно – бог!

Поначалу робко, потом с каждым шагом смелее на полянку вышли три девушки, подходят к костру. Языки пламени пляшут на голых телах, у всех золотистые волосы безудержным водопадом ниспадают до дразнящих формами бедер.

Молодки звонко смеются, кружатся в танце. Йошт раскрыл рот от удивления.

– Кто... кто это, дядя Кродо? – Венед дергает за рукав старца, трясущейся от страха рукой указывает на танцующих возле костра девушек.

Жалейка умолкла.

– Ночницы, – спокойно поясняет старец, с любопытством рассматривает молодух. Те игриво хихикают, кружатся, ослепительные локоны взлетают высоко вверх, оставляя тело неприкрытым. – Вот проказницы!

– Но... ночницы? – Йошт нервно сглотнул, от лица отхлынула кровь. – Но они же...

– Неужели страшные? – опередил вопрос Кродо, косится на рыжеволосого карпенца, у того губы от страха белее мела, а сам трясется мелкой дрожью. – Вон они какие – лепота! А ты боишься.

– Их... их все... все боятся, – с трудом выдавил Йошт, от ужаса зуб на зуб не попадает. – Обереги супротив них делают, заговоры творят...

Старик звонко рассмеялся.

– А чего их бояться? Они – создания мирные, ну почти мирные... Про них много чего рассказывают, в основном вымысел – зла понапрасну не творят. Главное – сильно не злить, в гневе ох как страшны!..

– А что они делают здесь?

– Как что? Разве не видишь – танцуют. Молодая луна – их время, они всегда под ней танцуют, выходят кто из леса, кто из речки или озера. Веселятся.

Существа тихонько перешептываются, посмеиваются, хороводят вокруг костра. Кродо улыбается, кивает в ритм танца.

– А вы давно... умеете? – робко спрашивает Йошт, ночницы почему-то вскрикнули, загудели.

– Умеете? Что именно? – не понял вопроса бог. Йошт кивнул в сторону жалейки. – Ах вот ты про что! Уже и не помню... может быть и давно?..

– А учиться долго?

– Хочешь играть? Лепо, лепо... Это не трудно.

– А вы покажите как? – с надеждой спросил Йошт, но тут же осекся – молодухи перестали кружиться, шипят по-змеиному, лица почернели, глаза злобные, сверлят венеда.

– Чего это они, – бормочет он испуганно, отодвигается подальше, жметя к богу.

– Дурят! – отмахнулся Кродо. – Ты ко мне на «вы», а им чудится.

Йошт недоуменно смотрит на него.

– «Вы» это как Вый, – продолжает бог, вновь послышалось шипение, клацнули зубы, Кродо вскрикнул. – Ну-ка цыц!

– Это который... из пекельного царства?

– Он самый. Он же Вий, а им мерещится, что ты к нему обращаешься, призываешь, что вообще-то недалеко от истины... Лучше на «ты», Йошт. С богами старайся и всегда только на «ты», иначе не поймут.

– А как же... уважение?

– При чем тут?

– Когда на в... – Йошт недоговорил, боязливо косится на ночниц, те – будто мысли читают – замерли. – Ну когда так говоришь, вроде обращаешься с уважением.

– Чепуха! – отмахнулся Кродо. – Выкают обычно врагу, и то самому непримиримому, когда точно знаешь – не будет мира меж вами. Один молодчик говорил: «Хочу на Вы идти!» Все понятно, иду, значит, ворога крушить. – Бог вдруг задумался, играет бровями. – И где я такое слышал? Аааа! Слова-то эти еще не говорили. Точно! Ну, значит, скажут еще...

– Простите... Прости, я ненарочно.

– Да ладно! Чего по незнанию не творим.

Бог хмыкнул, загадочно улыбнулся. Взял дудочку, приложил к губам, и вновь течет сладкая уху мелодия.

Перед взором раскинулось песчаное море, крупинки, как самоцветы, блестят на свету, переливаются разными огнями. Всюду песок, по нему бредут навстречу раскаленному солнцу чудо-животные – горбатые лошади, на них гордо восседают люди, лица обмотаны тряпками, лишь глаза хищно блестят, в руках копья, кривые мечи. А вдали, у самого виднокрая, сквозь раскаленный воздух проступает высоченный терем из камня, огороженный высокой каменной стеной, люди ходят наверху.

– Заморские страны видел? – Кродо весело теребит венеда за плечо. Видение растворяется как мираж. – Горы из песка, горбатых лошадей...

– Я думал это преисподняя, – пожимает плечами венед. – Кругом же один песок! А такие и вправду существуют?

– Горбатые лошади аль мир песчаный?

– Страны заморские, где один песок.

– Конечно! На моих глазах варганились. Кони-горбуны – моих рук дело! – Кродо чуть помолчал, потом добавляет: – В таких рощах, как эта, все видения правда, а сны вещие.

– А все, что здесь вижу, – тоже настоящее?

– А то как же! И еда, и песик мой, и роща, и ночницы... Правда нас все реже можно увидеть.

– Почему?

– А знаешь, чего даже всемогущие и грозные боги боле всего боятся? – вопросом на вопрос ответил бог.

Йошт отрицательно мотает головой.

– Забвения! – Кродо поднял пальчик к звездному небу. – Чем меньше люди про нас помнят, тем сложнее в ваш мир нам прийти. Чую, пройдет время – и сгинем насовсем.

Карпенский юнец удивленно хлопает ресницами, на лице бога вселенская печаль, на щеке блеснул крохотный алмазик. Но через мгновение его глаза вновь заискрились жизнерадостностью.

– А давай я тебе еще сыграю, – подмигнул бог молодому гостю, голос все еще немного дрожит. – Кручину и хандру оставим тьме!

Йошт улыбнулся через силу. Мягко вздохнула жалейка. Мелодичный ручей заструился по священной роще.

Вскоре Йошт почувствовал, как приятно накатывает дремота, глаза наливаются свинцом, слипаются. Он широко зевнул и, несильно сопротивляясь приятному ощущению дремоты, откинулся на шелковистую траву, рот растянулся в сладкой улыбке.

Почему-то вспомнились слова Кродо: боги, как и люди, пуще всего страшатся забвения.

6

Йошт открыл глаза, в отяжелевшей голове свист, в висках орудуют сотни молоточков. Венед со страдальческой гримасой осматривается, вокруг, сразу за кустами виднеется дорога, по ней спешат люди. Неужели старик донес, странно, такой маленький и не надорвался. Хотя он же – бог!

В кусты, где сидит Йошт, забрел грязный пес, шерсть свисает сосульками, зарычал, для пущей угрозы обнажил острые клыки. Венед мгновенно вскочил на ноги, схватил валяющуюся рядышком толстую ветку, стал размахивать. Пес прыгнул вперед, Йошт рассек воздух, палка в руках содрогнулась, ударившись с силой о землю.

– Пшел прочь! – зло крикнул Йошт.

Пес всхрапнул, немного отступил, но потом вновь кинулся на Йошта. Венед опять размахнулся палкой, целится в морду. Пес взвизгнул, перекувырнулся, жалобно взвыл и кинулся прочь, в стороны брызнула прелая листва.

Йошт вздохнул, покачал головой. Присел, ощупывая ногу. Клыки не достали, правда, пострадали портки: выдран приличный кусок, виднеется бледная кожа.

– Вот зараза! – зло бросил он. – Всю штанину располосовал, гад!

Венед жадно оглядывает трепольскую площадь. Бурлящий вчера рынок пуст, лишь пара торговцев неторопливо раскладывает товар, отроки, сгибаясь под тяжестью тюков, разгружают повозки. Но самое страшное – ни повозки синьского купца, ни его чудаковатых воинов поблизости нет.

«Опоздал! – обреченно подумал Йошт. – Может, кто из дружины здесь... Ладно уж, пусть секут!»

Рыжеволосый карпенец врывается в корчму, едва не сшиб остриженного под горшок отрока с подносом, походя перевернул лавку. Но и там ни души, лишь корчмарь заботливо протирает стойку перед собой, весело посвистывает.

Йошт, чертыхаясь, выскочил на застланную досками улицу, со всех ног бросился к воротам и тут же налетел на зазевавшегося прохожего. Мужичонка упал, корзинка вырвалась из рук, из нее порхнула курица, закудаhtала, перья полетели в разные стороны.

– Эй, не шали! – крикнул в спину Йошту мужичонка, грозя кулаком.

Йошт выбежал из ворот, лицо приятно обдаёт свежестью, дышит неровно, вглядывается вдаль. С каждым ударом сердца на душе становилось все гаже и гаже – купеческого каравана нет! Стон разочарования вырвался из его уст, искоса бросил взор на привратников. Те и бровью не повели, стоят истуканами, наверное, и впрямь из камня вытесаны.

Венед подскочил к одному из стоящих поблизости стражников.

– Вы... это... прошу прощения, но вы... не видели... караван купецкий не видели? – захлебывающимся голосом выпалил Йошт одному из воинов, что застыли у ворот. Тот коротко взглянул на него равнодушным взглядом и продолжил смотреть куда-то вдаль.

– Не видели караван... торговый такой, там еще жирный купчина сидел, рожа – во, – венед картинно раздул щеки, – точно переспелая тыква.

Стражник не повел и ухом, Йошт не понимает:

– Ну караван, лошади, повозки и это... много воинов... десятка три, наверное.

Воин не смотрит на него, стоит и по-прежнему молчит как в рот воды набрал, лишь рифленные желваки играют на скулах. Йошт от обиды аж притопывает, глаза блестят то ли от солнца, а может, от другого.

силой сжала мягкую плоть, женщина вскрикнула. Другая рука степняка начала развязывать портки, рот ощерил, обнажив острые кривые зубы.

Перед его лицом шелкнула плеть, гунн вздрогнул и попятился.

– Назад! – прогремел крепко сбитый степняк в остроконечном шлеме. Кольчужная рубашка свисает почти до колен, талию перехватывает пояс с большими железными нашивками, борода с прядями седых волос ниспадает на грудь. – Это добыча сына великого хана!

– Но советник Емшан, я ведь первый ее поймал... – с дрожью в голосе промычал гунн, придерживая спадающие штаны.

Плеть вновь зловеще шелкнула, гунн вскрикнул, прижимая ладонь к щеке, из-под пальцев засочилась кровь.

– Да как ты смеешь, шакал?!

Гунн в остроконечном шлеме бросил плеть, обнажил клинок, конь шагнул к воющему от боли гунну, тот попятился, нога зацепилась за корягу, он тут же рухнул, послышался сухой треск, степняк еще больше взвыл, рука нащупала свисающий клочок от штанины. Советник Емшан нависает над ним черной тенью, рука занесла для смертельного удара клинок, солнечный луч самоцветами пробежал по холодной стали искусных мастеров далекого Востока.

– Стой, Емшан! – Гунн в кольчужной рубашке и остроконечном шлеме вздрогнул, криковой меч замер, лезвие хищно подрагивает, степняк медленно повернул лицо на оклик, побелевшие губы сжаты, крылья носа раздуваются. Перед ним на коротконогой лошади восседает младший сын хана, молодое, еще по-мужски не окрепшее тело закрывает кожаный доспех с нашитыми начищенными до блеска стальными бляхами, из-под рукавов свисают пряди мелких колец, голову венчает шлем-котелок – с такого обрушенное сверху лезвие неминуемо соскользнет, шею до самой спины скрывает плетение крупных колец из черного железа.

Остроконечный сапог сына хана легонько сжал лошадиный бок, та шагнула в сторону дрожащего в примятых кустах живого комочка. Желтоватое лицо степняка растянато в ухмылке, вздернутый нос с шумом вбирает воздух, шелки-глаза светятся животным вождением.

Гунн с размаху вонзил носок сапога в бок паренька, комок взвизгнул, сжался еще сильнее.

– Пусть он убьет ее! – заорал сын хана. Лицо перекошено от гнева, глаза страшно выкачены. Степняк вдруг запрыгал в седле, страшно заверещал, слюни брызгают в разные стороны. – Убьет, убьет, пусть убьееет!

Стоящие рядом гунны довольно зацокали, кивают. Емшан опустил меч, покорно склонил голову:

– Твоя воля, великий хан!

Всхлипывающую женщину повалили на землю, для пущей покорности плетью крестнакрест разорвали спину. Она протяжно взвыла, кожа с треском лопнула, кровь запузырилась, рванулась крохотными потоками из раны.

Рыдающего паренька бросили на женщину. Тот скатился на бок, обнял мать, уткнулся лицом в ее щеку, слезы крупными каплями стекают с его лица.

– Мапочка!..

Его тут же ухватили за шкурку, дернули в сторону. Руки мальчика в последний момент ухватили платье матери, но тут же он взвизгнул – кто-то с силой пнул в живот. Скорчившегося от боли ребенка вновь бросили на женщину, к горлу приставили нож.

– Убей ее, мерзкий раб!

Но тот лишь рыдает, рот жадно хватает воздух, мокрые от слез губы трясутся.

– Не хочешь подчиняться, урус, мерзкий раб? – сквозь едкую ухмылку процедил Емшан. – Тогда придется умереть и тебе.

Он кивнул одному из гуннов. Тот с готовностью подъехал к всхлипывающей женщине, в руках наготове короткое копьё.

Женщина протяжно вскрикнула. Кони шарахнулись в стороны, заржали. Наконечник с треском прошил тонкую белую кожу, гунн с наслаждением навалился на древко, крутнул, резко выдернул, кровь ударила тугой струей, вязкой лужицей собирается на животе. Степняк довольно цокнул и со страшной силой обрушил копьё на трепыхающееся от боли женское тело, намертво пригвоздил к земле.

– Мама!.. – заорал парень, обнимает женщину, весь измазался в крови. Слезы смешиваются с кровью, стекают в образовавшуюся под женщиной липкую лужу.

Советник Емшан недовольно покачал головой, его кривой меч хищно блеснул, вынутый до половины из ножен:

– Великий хан, позволь я смахну ему голову!

Сын хана натянул поводья, конь нехотя двинулся вперед:

– Я сам!

Йошт с побелевшими от страха губами, не отрывает глаз от медленно подъезжающего гунна к распластавшемуся на мертвом материнском теле мальчишке, холодным огнем блеснул ханский акинак. Подбородок рыжеволосого карпенца внезапно сильно затрясся. Один за одним перед глазами вспыхивают цветные круги, они кружатся и взрываются мириадами вспышек. Венед очумело трясет головой, но мир в глазах поплыл еще больше, странное забытие наваливается теплой волной. Сквозь липкую пелену Йошт ощутил в руке приятную тяжесть, брови взлетели вверх – перед ним вдруг в страхе шарахнулись кони, один из гуннов сорвался с седла и мешком рухнул в натопанную траву, его глаза в ужасе округлились.

Палка в руке венед с силой ударила занесенную руку с ханским акинаком, с треском переломилась надвое. Молодой гунн дико взвыл, упал с седла, катается в пыли, трясущейся рукой приставляет перерубленную кисть обратно.

Поляна наполнилась криками, кони дико ржут, защелкали плети. Перед глазами Йошта один за одним вырастают кусты, под ногами сочно трещат стебли, ветки больно хлещут по лицу. Он несется, с трудом различая сухую тропку, без валежин, пеньков.

Щеку царапнуло холодом: черное оперение мелькнуло перед глазами, стрела вонзилась в стоящую перед венедом березу. Он едва не напоролся лицом на древко. Сзади отчаянно орут и свистят.

Йошт задыхается, рот жадно хватает воздух, больно колет бок, в горле сипит, глаза застилает красный туман. Еще чуть – и налетит со всего маху в дерево – костей не соберешь, подошвы скользят о траву.

Йошт еле устоял, под ногами осыпаются камешки. Лес резко кончился – дальше крутой обрыв. Рыжеволосый венед обернулся, сквозь высоченные кусты папоротника продирается тот, кого зовут советником Емшаном. Его лицо перекошено от гнева, в руках застыл для сокрушительного удара кривой меч, следом на роняющих ошметки желтой пены конях рвутся другие гунны.

Йошт задержал дыхание и прыгнул вниз.

Гунны подлетели к обрыву, едва успели остановиться, толкаются, кони гарцуют.

– Где он? – зло прорычал Емшан. – Достать из-под земли этого шакала!

– Он, наверное, к урусам бежал... – запыхавшимся голосом произнес один из гуннов, указывая пальцем. Там в долине на маленьких холмах раскинулось несколько славянских весей и гонтищ.

– Отыскать и принести его сердце! Срок – до утра!

– Но, великий Емшан, там дома урусов, нам у них нель... – Гунн не договорил, советник одним махом смел его голову, та пустым кочаном бухнулась, покатила к обрыву. Кони, учуяв кровь, зафыркали, прядают ушами. Остальные гунны покорно опустили глаза.

Голова шлепнулась прямо перед ногами Йошта, рот раскрыт в безмолвном крике, в глазах – ужас. Венед сильнее вжался в землю, нависающие с земляного карниза корни щеко-чут лицо, песок струйками сыплется в ноздри, в рот, за пазуху. Наверху лютует Емшан:

– Шакалы! Из-за вас сын великого хана остался калекой! Теперь с меня спустят шкуру, а я с вас!

Щелкнула плеть, кто-то вскрикнул.

– Мы найдем его, великий советник. Клянусь Небесной Кобылицей! – проревел один из гуннов – Если нужно – сожжем все дома!

– Ну-ну! Жечь ничего не надо. Хотя... – советник задумался, гладит бороду. – После сегодняшнего хан вряд ли сдержит договор с князем урусов. Но сами пока не суйтесь! Наймите кого-нибудь.

Йошт услышал, как бряцнул кошель, полный монет.

– Мы знаем, кто найдет этого сучьего сына!

– Только смотри, чтоб никто ничего не узнал! Иначе... ну ты знаешь гнев великого хана. И мой гнев!

– Не беспокойся, светлый Емшан, никто ничего не узнает, те, кто нам поможет, – тоже урусы.

7

Впереди маячат соломенные крыши, невысокие изгороди, колодезные журавли. Последнее очень кстати – во рту страшно пересохло, при глотке будто рвешь горло. Поселение устроилось на небольшом холмике, совсем небольшое – одна улочка, вдоль нее ровным строем убегают вперед крыш десять, не больше.

Йошт идет медленно, рот распух – он и не помнит, зачем там, в роще, до крови вгрызся в собственные губы. Ноги мучительно ноют, дорога постоянно прыгает, то поднимается вверх, то резко падает вниз, вся в выбоинах. Живот и вовсе клокочет как дикий зверь – угощение старца-бога выпрыгнуло обратно сразу после «теплого» свидания с гуннами в лесу.

Засматривался в окна, в одном из них увидел, как огромный детина увлеченно лопают огромной деревянной ложкой щи, вкусный дух, будто издеваясь, тут же ударил в нос, Йошт облизнулся, пошамкал губами.

По дороге чуть не столкнулся лбом с местным волхвом, хорошо, хоть не забыл поклониться. Тот стоял возле ветхого дома, задумчиво поглаживает бороду, белая рубаха почти до пят, тонкая талия перетянута красным разлохмаченным на концах поясом, на рукавах и груди будто огнем выжженные красные кружевные знаки-обереги.

Волхв неодобрительно цокает, крикнул хозяина, из зеленых посадок высунулся в долгополой шляпе мужик, лицо потное, борода клочками топорщится в разные стороны.

– Ты чего это избу свою запустил, не следишь? – с укором обращается волхв к мужику, тот что-то с виноватым видом пробурчал, опустил голову. – Негоже жилище оставлять в таком виде. Изразцы надо бы подновить. Подоконник раскрасить поярче красным, узоров добавить. Нешто не знаешь – так мы с тьмой боремся. Показываем Роду, где свой, где чужой. Он видит и радуется – помнят, чтят благодарные дети Отца своего! А ты что же?

Мужичок что-то опять буркнул, развел в стороны руками.

– Чтоб подновил, трещины заделал, раскрасил, и вообще – приведи все хозяйство в порядок и не срами нас, нашу весь – это я тебе уже не как волхв говорю.

Йошт завидел колодец, облизнулся. «Сейчас враз осушу его!» – пронеслось в голове венеда, ноги ускорили шаг. Возле домовины источника стоит тучная баба в косынке, черпает воду из колодезной бадьи, наполняет деревянные ведра, рядом с ней фигуристая молодуха, щеки румяные, глаза большие, голубые, как летнее небо, белокурая тугая коса свисает до выпирающего зада. Йошт подошел к колодцу, невольно подмигнул голубоглазой красавице, та в ответ хохотнула, стрельнула глазками, баба в косынке шикнула на нее, недовольно покосилась на Йошта. Венед, не обращая внимания на недовольный взгляд женщины, горстями черпает водицу, жадно пьет, обильно льет за шиворот, она, ледяная, приятно обжигает холодом сморщенное от жажды горло, наполняет живот, растекается по внутренностям, охлаждает спину, и усталость как-то сама собой улетучивается. Она кажется вкусной, вот только бы чего-нибудь сжевать сейчас, горестно подумалось Йошту, попадись мышшь-полевка, сглотнул бы и сырой.

Кадык ходит туда-сюда, жадно поглощает освежающую воду, но глаз венеда косится в сторону удаляющихся девок, фигуристая молодуха умело несет на плечах коромысло, зад вызывающе раскачивается в такт переполненным ведрам. Йошт аж улыбнулся, но тут же насупился, вытер мокрые руки о рубаху.

До рыжеволосого венеда доносится то ли кряхтение, то ли рык диковинного зверя, ему вторит протяжный стон вперемешку с частыми шлепками, будто кто-то направо и налево пощечины раздает. Йошт озадаченно крутит головой, навстречу неизвестному и возможно вполне опасному толкает интерес. Рыжеволосый венед замер – странные звуки доносятся

из ладной баньки неподалеку. Из щели неплотно закрытой двери предбанника валит густой пар, полирует потолок, тугим жгутом устремляется вверх.

Стоны и рык оборвались, шлепанье тоже прекратилось, но тут же раздался треск, звонко гроыхнуло упавшее ведро, кто-то ойкнул. В предбаннике нарастает быстрый топот. Дверь бухнулась о противоположную стену, чудом устоявшие петли под ударом петли взвыли нещадным скрипом, из бани выскочил мужик в исподнем, срам скрывает дубовый веник. Он гогочет во все горло, поскальзывается и, с трудом сохраняя равновесие, ныряет в большую с человеческий рост бочку. Вода тут же отозвалась грозным шипением, пар причудливыми завитушками срывается с разгоряченного тела. Из бочки торчит одна голова, мужик, окутанный клубами пара, довольный, тянет рот до ушей, фырчит, как кот, наевшийся сметаны, сплевывает. Из бани вылезла другая голова, капельки воды блестят на бритой коже, чуб склизким червячком сползает на лоб, норовит залезть в глаза, борода сосульками свисает почти до груди, седой волос прядками прорывается наружу. Довольная рожица ощерила белые зубы:

– Ты чего так рано выскочил-то? Я ж только размял веник, еще и не парил, – произнесла голова из предбанника. Мужик в бочке ничего не ответил, барахтается, посвистывает от удовольствия.

– Э-эх, слабак! – в сердцах бросила голова мужика в предбаннике и скрылась в пару. Через мгновение вновь послышалось кряхтение, довольные возгласы смешиваются со шлепаньем веника.

Когда Йошт прошел почти всю весь от края до края, услышал перестук молотков, но какой-то нескладный, постоянно прерывающийся. Йошт смотрит через ограду. Посреди утопанной полянки стоит низенький, но ладно скроенный бревенчатый сруб, на крыше солома сложена прямыми рядками, дверь широко распахнута. Рядом под навесом горячо полыхает жаровня, возле огромной наковальни стоит молодой паренек. С ним стоит парень постарше – в кожаном переднике, давний ожог от брызг жидкого металла горит на правой щеке уродливым рубцом. Оба поочередно бьют молотами по раскаленной докрасна железяке.

Две фигуры усердно работают молотками у наковальни. Тот, что помладше, пыхтит, закусывает губу, бьет молотком по наковальне, однако увесистый инструмент ударяет не попад. Старший цокает, недовольно косится на паренька, его молот с силой обрушивается на пунцовую заготовку, в стороны разлетаются вспышки-искорки. В очередной раз удар подмастерья вышел неважно: молотки ударились друг о дружку, отрок не удержал скользкую от пота ручку, выронил. Тут же послышался шлепок: старший вlepил затрещину.

– Ну чего ты делаешь, болван! – гаркнул старший, смотрит исподлобья на паренька. Тот виновато опустил голову, растирает затылок. – У тебя руки-то откуда растут? Уже третью заготовку портишь! Выправляй потом, мучайся!

– Да я вроде все правильно бил-то, – насупил паренек, глаза отводит в сторону, – сбилось, как-то не так пошло...

– Как-то не так пошло! – передразнил старший. – Вечно у тебя все не так, все не эдак! Забыл, чего тятка-то с утра наказывал?

Йошт, стараясь не шуметь, сделал пару шагов.

– Помню.

– Помнишь! Давай другую, эта уже совсем не годится! – Старший ударом молота сбил с наковальни на землю бесформенную железяку.

Паренек вздохнул, направился к жаровне, налег на мехи. Кожа заурчала, воздух слабой струйкой ворвался в очаг, угольки подмигнули алым светом, но вскоре погасли.

– Сильнее налегай! Сильнее!

Отрок рассеянно закивал, ускорил темп, мехи натужно засопели. Пламя жаркое, едва не вырывается из жаровни, то и дело выстреливает огненной лапой, старается цапнуть молодого.

– Еще два орала выправить надо, четыре лопаты и еще десять пар подков. Лошади не подкованы вторую неделю, в кровь копыта разбивают! – сердито перечисляет старший. – Одна уже копытом мается, ступить не может. – Повернулся к младшему, рывкнул: – Ну что ты там копаешься?

– Готово уже. Я сейчас.

Молодой кузнец ухватил большие щипцы, неумело ворочает ими в шипящих угольях – раскаленная добела заготовка всякий раз срывается обратно в жаровню. Старший смотрел на молодого, но не выдержал:

– Дай я сам, неуч!

Он грубо отпихнул молодого напарника. Деловито взял щипцы, ухватил железяку и понес на наковальню, от жаркого пламени волосы на лбу слиплись, по вискам струится пот, рубаха – хоть выжимай. Но в последний момент старший не удержал железку, та сорвалась прямым в бадью с холодной водой. Раскаленные брызги с шипением полетели во все стороны, угодили на руки и штаны старшему. Тот громко вскрикнул. Молодой кузнец не удержался и захихикал, но тут же получил зуботычину. От неожиданности повалился задницей на землю, ухватился за пылающую от боли щеку, слезы брызнули из глаз. Над молодым кузнецом возвышается старший, зло сверлит глазами, лицо посерело.

– Я тебе щас покажу, как над старшими потешаться! – грозно бросил старший и шагнул вперед к горе-помощнику. Крылья ноздрей раздуваются, желваки ходят ходуном. Отрок подскочил как ужаленный, оттолкнул приближающегося старшего, а сам пустился со всех ног в дом, дверь громко гукнула.

Старший бросился за ним, но босая нога завязла в мокром грунте, стопу повело в другую сторону и кузнец растянулся на земле. Тут же грязно выругался.

Йошт не удержался и захихикал.

– Эй, тебе чего здесь надо? – зло гаркнул на него кузнец. Йошт чуть не захлебнулся от неожиданности. – А ну, проваливай отсюда!

Йошт развернулся и ускоряя шаг пошел дальше.

– Ну что за день такой сегодня? – сокрушенно раздался удаляющийся голос старшего. – То брат-неумеха, то шастают всякие. Нет, замок пора вешать. А то, чего доброго, оберут и не заметишь...

Славянская весь резко кончилась. Дальше дорога причудливыми петлями спускается вниз, потом выравнивается и убегает вперед, подрезая край совсем крохотного перелеска. Сразу за ним еле приметной полоской желтеет песчаный берег, по воде прокатывается серебристый блеск. Йошт даже отсюда – с пригорка поселения – ощущает, как от голубой полоски веет влажностью и прохладой.

Рыжеволосый карпенец деловито приложил ладонь козырьком. Дальше по прямой можно различить облака пыли. Довольная улыбка тут же скользнула на лице венед. Может, они, радостно подумал Йошт. Вон, сквозь пылицу мелькнул до боли знакомый краешек купеческого фургона, солнце играет на остриях копий, остроконечные шлемы дружины играют серебром. Йошт тут же прикинул-подсчитал: «Нагнать их несложно, вот только тракт петлей уходит в сторону, но дальше его пересекает голубая ленточка реки. Даже отсюда можно различить, как она резко изгибается и притоком разрезает долину, как ножом кусок масла. Там и нагоню», – твердо решил венед. Правда, быть ему битым, но тут рыжеволосый карпенец надеялся выкрутиться. И даже придумал как, в дороге додумает детали. Ему ведь не привыкать вертеться, точно уж на противне.

Йошт свернул с тракта, ступил на хоженую тропу, впереди проступает бревенчатый настил деревенской пристани. Жиденский перелесок внезапно кончается, дальше ковром стелется каменистый вперемешку с речным песком берег. Толстые опоры-стволы надежно держат стертый до годовых колец настил, вода плещется, ударяется о толстые круглые балки, маленькие бурунчики крутятся возле них. Йошт вдохнул свежий речной воздух и тут же сморщился, будто глотнул уксуса, – от воды непривычно тянет склизкой тиной.

Рядом на берегу застыли перевернутые вверх дном лодки, лишь одна плоскодонка мерно раскачивается на воде, толстый жгут из пеньки тянется аж до перелеска и исчезает в тени деревьев.

Тут же на двух шестах растянута рыболовная сеть, крупные ячейки поблескивают на солнце. Йошт смекнул – раз такая сеть, значит, рыба тут водится немаленькая. Он деловито ухватил рыбацкую снасть и стал снимать с шестов, но та лишь больше запутывалась. Венед засопел и с силой дернул сеть, но та не поддалась, лишь сучковатые палки-держатели наполовину оголили влажную древесину из песка. Венед насупился, руки ухватили упертую рыбацью снасть крепче и с силой потянули, жилки ячеек больно врезались в кожу. Йошт рванул из последних сил и тут же завалился на раскаленные солнцем камни и песок, деревянные шесты взметнулись в небо и вперемешку с рыбацкой сетью обрушились на рыжеволосого венеда. Он ойкнул – одна из палок шлепнула прямо по темечку, рука тут же принялась растирать ушибленное место.

Теперь у Йошта вконец путаная рыбацья сеть и скулящий от голода желудок. Надо что-то делать. Тут уж не до лени – через час-другой пустое брюхо заставит кору грызть да листочки сочные на низко свисающих ветках объедать, аки коза.

Йошт вздохнул, взял в охапку сеть и направился к лодке-плоскодонке. Но мочить ноги не хотелось, да и далековато лодочка – пока дойдет вода, накроет с головой. Но можно прыгнуть с пристани – как раз долетишь. Впрочем, можно и за веревку вытянуть, но это – лень! Проще уж – сигануть. И весело, и без напряга.

Через мгновение тихая речка взорвалась оглушительным плюханьем. Йошт в спешке не рассчитал прыжка и перемахнул через плоскодонку. Он со всего маху бухнулся в прохладную воду, ленивые рыбы очумело прыснули в разные стороны, брызги разлетелись нехилым фонтаном. Сеть вырвалась из рук венеда, ее тут же подхватило течением и понесло вперед. Йошту осталось лишь уныло проводить ее взглядом.

Рука наконец ухватила край плоскодонки. Чертыхаясь, Йошт перевалился через борт и растянулся на дне. Он облегченно вздохнул, но тут же напрягся – мокрая рубаха неестественно топорщится, по груди кто-то остервенело шлепает. Венед запустил руку за пазуху, пальцы ухватили что-то холодное и склизкое, он вскрикнул, отдернул руку и в один удар сердца стащил с себя рубаху. Нечто блестящее плюхнулось на дно лодки, тут же ошалело забило хвостом. Йошт отполз в сторонку, глаза неотрывно следят за извивающимся скользким комком. На дне барахтается и жадно хватает ртом воздух... обычный карась. Венед облегченно выдохнул.

Йошт озадаченно рассматривает в руке блестящую серебристой чешуей рыбу, ее губы беззвучно шлепают, тельце изгибается, изо всех сил старается выскользнуть. Что с ней делать? Есть сырой? Подумал венед и тут же сморщился. Но и приготовить никак – огня-то все равно нет. Из груди венеда вырвался обреченный вздох, он уставился в немигающий рыбий глаз.

– Эй, ты чего делаешь, ворюга!?

Йошт вздрогнул, голова дернулась в сторону окрика, глаза тут же споткнулись о белокурого паренька на берегу. Мощный торс скрывает потрепанная, в пятнах жира и копоты льняная рубаха. Венед хмыкнул – его окликнул тот самый кузнец-недотепа с веси. Однако сейчас он совсем не казался неуклюжим отроком. Глаза грозно сверкают, даже плечи пока-

зались шире, чем тогда, в кузнице. В руках палка, на конце торчат два крепких сучка, словно наверхние шестопера. Глаза зло смотрят на Йошта. Тот лишь нервно сглотнул, но поникшего на жаре карася не бросил.

– Это моя лодка, моя сеть, моя рыба! Брось рыбу немедленно и проваливай отсюда!

Йошт даже не сдвинулся с места, лишь уставился на белокурого паренька, что вдруг назвал себя хозяином всего-всего.

– Ты что, не понял?!

Внезапно Йошт с силой дернул за веревку, соединяющую лодку с берегом. Та не поддалась, лишь натянулась. Венед дернул еще раз, послышался треск, матерчатый жгут описал замысловатую дугу и плюхнулся в воду. Карпенец тут же рухнул на дно плоскодонки, ойкнул – затылок врезался в ребро лодки.

Течение медленно несет плоскодонку. Раздался свист, воздух рассекает пущенный юным кузнецом камень, он с силой бухнулся в деревянный борт. Йошт осторожно высунул голову из-за края лодки. Белокурый стрелок на берегу проворно тащит одну из сушившихся на берегу лодок, за ней тянется след взрытого песка. При этом паренек не забывает бросать в медленно удаляющегося Йошта камешки. Второй камень пролетел мимо, плюхнулся в воду. Йошт ругнулся, опустился на дно лодки, но скрыться за бортом не успел – третий снаряд больно врезался в плечо. Йошт скривился от боли, сильно прижался к краю – чтоб меткая гадина в следующий раз промазала. Но, видно, перестарался – плоская лодочка сильно накренилась, но устояла. Венед схватился за противоположный край и что есть мочи надавил. Лодка вновь сильно качнулась и тут же содрогнулась от мощного удара. Деревянное дно выскользнуло из-под ног Йошта. Уже в полете он увидел фигуру белокурого паренька, возвышающегося с дубинкой из лодки, нос посуды в трещинах, на сколах проступила свежая древесина. Раздался плеск, брызги струями полетели во все стороны.

– Ага, попался! Ну теперь не уйдешь! Щас я тебя проучу! – ликующе воскликнул белокурый, дубинка выжидающе постукивает в ладонь.

Молодой кузнец смотрит на качающуюся на образовавшихся волнах опрокинутую лодку вверх дном. Глаза искали горе-татя, что давно уже бултыхнулся в воду, но так и не выплывает. Взгляд забегал по взволнованной воде, но вскоре на глаза попало барахтающееся тело, руки выскакивают из воды, хватают за край лодки, но тут же соскальзывают, буруны и крупные пузыри сбиваются в пену и разбегаются по воде в разные стороны.

– Утопнет ведь еще ненароком, – пробурчал парень. – Ну, точно утопнет. Э-эх, ответ потом держи...

Белокурый паренек выругался, бросил дубинку и, не раздеваясь, плюхнулся в реку.

Йошт отчаянно бьется, будто попавшая в сети птица, запутался в сетях, воздух в легких сгорает, удушье цепкими лапами начинает давить горло. Леденящий ужас полоснул живот, венед страшно выпучил глаза и забил руками во все стороны, обреченный крик сорвался с губ.

Вдруг его кто-то грубо дернул и потянул вверх. Йошт хотел было сопротивляться, но сил почти не осталось. Сознание затуманилось. Перед глазами кружат разноцветные огоньки. Но вскоре глаза больно резануло светом. Йошт закашлялся. Его кто-то больно хлестанул несколько раз по щеке, щеку будто ожгло кипятком. Карпенец с усилием поднял отяжелевшие веки, глаза тут же больно защипало. Перед ним возвышается расплывчатая фигура, свет струится по ее очертаниям. Йошт медленно выдохнул, разлепил губы, чтобы поприветствовать духов, пришедших за ним. Но те заговорили вполне человеческим голосом:

– Ну что, тать недобитый, очухался? – сердито спросил белокурый.

Йошт удивился: неужель на небе прознали, что он сотворил? Плохо дело, пронеслось в голове венед, значит будут люто карать... Он попытался сказать что-то в оправдание,

но лишь еще раз зашелся кашлем. И тут же щеку ожгло болью – светящаяся фигура опять залепила ему пару пощечин.

Йошт попытался отмахнуться, пальцы врезались во что-то мягкое, венед снова махнул рукой, но на этот раз удар вышел как-то вяло и дух без труда ухватил за запястье и проворно скрутил, резкая боль пронзила плечо и шею. Йошт вскрикнул, попытался вывернуться, но боль с двойной силой навалилась на спину, шею и плечи. Молодой карпенец уткнулся в песок и бессильно застонал.

– Ты что, гад, делаешь? – зло прохрипел дух, одной рукой он заломил венеду руку, а второй потирает полыхавшую зверским огнем скулу. Сквозь пальцы проступает кровотокащая царапина.

«Ого, дух, а кровянка как у человека», – отметил Йошт с удивлением.

– Ну гадина рыжая, держись! – грозно бросило неведомое мелкое божество и с удвоенной силой навалилось на венеду. Тот натужно захрипел. – Я тебе покажу, как своими корявками размахивать.

Йошт из последних сил дернулся, и держащая его рука соскользнула. Венед попытался вскочить, но голова пошла кругом, и он повалился на четвереньки, походя успел лягнуть обидчика в нижнюю челюсть.

Белокурый паренек аж ахнул, повалился на бок, но тут же вскочил, ухватил улепетывающего на четвереньках Йошта за ногу и завалил, в небо взметнулись мириады песчинок. Венед отчаянно отбрыкивается, дергает ногами, но паренек, как клещ, вцепился в него и не отпускает, старается притянуть к себе, чтобы наградить тумаком.

Йошт больно треснулся головой о неудачно подвернувшийся камень, искры сыпанули из глаз, он наугад машет руками, несколько раз кулак встретил что-то мягкое, в ответ слышалось чертыханье и айканье. В руки венеду попала какая-то палка, он без раздумий перехватил ее покрепче и стал размахивать в разные стороны.

Послышалось шипение. Белобрысый паренек вскочил будто ужаленный и тут же повалился на задницу, но скрученного пленника не высвободил. Йошт удивленно посмотрел на него, молодой кузнец ошалелыми глазами смотрит на его руку и почему-то отстраняется. Венед перевел взгляд на руку с чудо-палкой.

По берегу пронесся вопль. Йошт увидел прямо перед собой раскрытую змеиную пасть, она злобно шипит, жуткие острые зубы готовы вонзиться в плоть.

Внезапно Йошт освободил заломленную к груди руку, резко вскинул, в руке зашипела змея. Йошт заверещал, гадюка зашипела громче, клацнула зубами возле самого лица. Йошт подскочил, раскрутил за хвост зверюгу и бросил что было сил подальше в реку аспида.

Оба сидят на песке молча, громко дышат, отплевываются, щупают синяки и шишки. Белобрысый что-то бормочет невнятное, косится то на Йошта, то в сторону колоды, откуда минутой раньше выпрыгнула га-дюка.

Йошт осторожно щупает нос, смотрит на пальцы, насупившись, бережно трет ушибленные места. Покосился на беловолосого парня.

– Тебя как звать?

– Борятой кличут, – пробормотал молодой кузнец.

– Дурак ты, Борята... В мирных людей камнями бросаешься, топишь, потом руки еще выкручиваешь, – Йошт кивнул в сторону валяющейся дубинки. – Вон и башку готов проломить...

– Это как же ни за что ни про что? – недоуменно воскликнул Борята. – А как же лодка, рыба, сеть моя, наконец? Почто чужое цапаеть?!

– А, ну тебя...

Венед поднялся, но кровь пудовым молотом ударяет в голову. Йошт охнул и повалился на землю. Он мотнул головой, встал на четвереньки и пополз к реке. Чертыхаясь, он принялся умываться, речная вода отчего-то показалась теплой, потом очень холодной, будто и не вода вовсе, а кусок льда скользит по лицу. Пальцы начали дрожать.

– Эй, тебя чего шатает из стороны в сторону?

Йошт медленно обернулся. Борята вновь кажется склоненной фигурой какого-то духа.

– Я ж не сильно-то тебя вроде, так, проучить...

– Не сильно вроде, проучить... – пытаюсь передразнить, проговорил заплетающимся языком Йошт. – Ты на руки свои глянь, такими кулачищами зашибешь и не заметишь.

Йошт пошатнулся, угодил рукой в обжигающую воду, едва сдержал равновесие. Вода из прозрачно синей медленно превращается в зеленую болотную, затем краснеет, потом опять становится небесной голубой. Йошт мотнул головой, вновь чуть не упал.

– Э-э, да ты горишь весь, – пробормотал белокурый паренек, его голос показался слишком громким, таким, что закладывает уши.

Йошт подрагивающей рукой потрогал лоб, но ничего не почувствовал.

– Да тебя змеюка укусила! Смотри! – вдруг громко воскликнул белокурый, Йошт аж сморщился, голос больно ударил по голове, точно большая палка с высоты птичьего полета брякнулась на макушку.

– Где?

– Да вот же, на руке.

Йошт посмотрел на ладонь, которая недавно сжимала гадюку, взгляд скользнул ниже, кожа почему-то то темнела, то светлела. И точно, возле запястья краснели две аккуратненькие дырочки. Венед бы их и не заметил, если бы этот увалень Борята не показал.

– Точно, – с трудом произнес Йошт. – Видно, когда я ее... того...

Вдруг ужас ледяной лапой ухватил за самое сердце, лицо сделалось белее мела, рыже-волосый карпенец с широко раскрытыми от испуга глазами смотрит то на руку, то на Боряту. Тот что-то ему говорит, но Йошт ничего не слышит, перед глазами все плывет, только две ранки-точки горят кроваво-красным.

Внезапно перед глазами ярко вспыхнули разноцветные огоньки, потом угасли, перед взором лишь жуткая чернота. Все тело ожгло что-то мокрое, будто он угодил в котел с кипящей водой.

Йошт изо всех сил старается подняться, но на тело обрушилась такая ломота и слабость, что и пальцем не пошевелить. Он огляделся – кругом черно и тихо, как под землей. Йошт нервно сглотнул. «Может, я уже и вправду того, – с ужасом подумал он, – так вот она какая смерть».

Йошт почувствовал, как куда-то бежит, испуганно озирается по сторонам, спотыкается, но ничего не видит, пытается что-то крикнуть, но голос теряется в пустоте, затем ноги его подкосились и, несмотря на все усилия удержать равновесие, Йошт упал, больно треснулся головой.

Потом перед глазами блеснул свет, стал приближаться, и теперь Йошт отчетливо мог разобрать человека в богатом княжеском одеянии посреди поляны, залитой светом, рука князя крепко сжимает золотой посох-наконечник в виде топора, а один конец плавно переходит в морду какого-то невиданного зверя. Сбоку у испещренного священными орнаментами кушака висит изумительный, тончайшей работы древний меч.

Позади него полукругом стоят волхвы и воины, некоторые бриты наголо, лишь с макушки свисает длинный оселедец. Посреди просторной поляны горит огромный каменный очаг, пламя поднимается до небес, языки пламени облизывают огромную глыбу из золота. Внимательно присмотревшись к ней, Йошт ахнул: это исполинская статуя женщины из чистого золота, вместо рук расправленные в стороны лебединые крылья. Лицо оживает,

глаза горят странным свечением. Йошт встретился с ней взглядом, он почувствовал одновременно страх и небывалый восторг, прилив сил – дай в руки подкову, сожму и завяжу в узел...

Боль огромным валуном обрушилась на голову. Йошт скривился, пытаясь отгородиться, но боль нарастает, накрывает гигантской волной. Он закричал. Видение меркнет, тает, как льдинка на теплой ладошке. Вновь упала чернота. Перед глазами лишь стоит князь с посохом, жертвенный огонь и лицо лебединокрылого идола.

8

Солнце больно резануло глаза. Даже сквозь закрытые веки проникает и царапает. Йошт сморщился, голова все еще гудит, горло першит. Он потихоньку поднимает веки, свет жалит еще сильнее, из глаз брызнули слезы.

Постепенно пелена перед глазами спадает, и Йошт видит перед собой два лица: одно изборождено морщинами, с бородой, длинные седые волосы перехвачены кожаной повязкой, глаза ясные, но смотрят строго, с укором. Что-то шлепает губами, но что говорит, не слышно – слова тонут в пространстве.

– ...Давай, Борята, прикладывай, прикладывай, – наконец-то отчетливо услышал Йошт слова в ослепляющем свете размазанного лица с белой бородой, оно указывает кому-то на него. – Осторожно! Пальцы не заляпай!

Йошт ощутил сильное жжение, застонал, такое чувство, что кожу лица сильно тянут в разные стороны, кажется, слышен треск кожи.

– О! Очнулся вроде, – произнесло другое лицо с соломенными волосами. – Глянь, и вправду действует!

– Ну, здрав будь! – ласково сказал седобородый и приложил ладонь прямо на глаза. – Возвращайся к свету! Пора!...

Поначалу ладонь приятно холодит лоб, нос и щеки, но потом свет постепенно растворяется в глазах, меркнет. Йошта будто кто-то сильно тянет за ноги обратно в черноту. Вновь острая боль огромным молотом бьет в голову, пульс с силой отдается в висках, можно услышать скрежет перемещающейся в жилах крови.

Йошт провалился в темноту, пытается закричать, но крик теряется в оглушающей пустоте, он лишь, как рыба, шлепает ртом, глаза страшно выпучивает.

Потом свет вновь резко колет глаза, проникает за плотно закрытые веки, режет зрачки, слезы стекают крупными каплями.

Перед Йоштом опять склонилось молодое лицо, теперь Йошт мог более отчетливо его распознать, очень знакомое лицо – белокурые волосы, голубые глаза, морщинистый лоб. Ага, вспомнил Йошт, это тот молодчик, с которым он сцепился на пристани из-за лодки.

– Ну вот, думал, все уже – не успею, – произнес белокурый паренек и кивнул в сторону старца. – Но смотри ты, выжил! Видать, сильный, да?

– Ну телом он слаб, а вот духом силен, ничего не скажешь.

Йошт старается что-то ответить, но слова теряются в горле, он лишь облизывает пересохшие губы и смотрит то на одного, то на другого.

– А разве с болячкой может справиться не тело, а дух? – изумленно спрашивает белокурый у старца. – Я думал, только сильное тело хвори не берут. Как говорится, в теле сила и дух... тело в силе и душе... Сила в... Да как же там правильно?

– В здоровом теле – здоровый дух, Борята, – поправляет старец, лоб морщит, лицо сосредоточенное. – Так-то оно так, только не все решает плоть крепкая. Да и хвори разные бывают, не все и распознать можно. Держи повязку, вяжи рану покрепче, да не так сильно – рука окоченеет.

– Так почему же не все решает сила? – вопрошает белокурый Борята.

– Потому, что часто дух сильнее тела... Не раз в жизни случается, когда тело бессильно, на помощь приходит сила иная – духовная.

– И у тебя так случалось?

– И у меня так случалось, – ответил старец, Йошт шлепает губами, силится что-то сказать, аж покраснел. – Боюсь, что и у тебя так, Борята, будет, и не раз. Так что мотай на ус и дух крепи.

– А как это?

– Делами благими да словом добрым. С богами чаще общайся, требы подноси, славь их. Оттого и дух твой будет крепче, чем гранит горный, и хворь не возьмет никакая. Вон, смотри, спаситель твой сказать чего-то хочет.

– Где... где я? – наконец вымолвил Йошт.

– Ты в моем доме, – ответил старец. – Но главное – в безопасности! А меня Веславом можно звать, я здешний волхв, ну и знахарь, куда ж без этого. А ты у нас кто таков?

– Ты настоящий волхв? – вместо ответа спросил еще слабым голосом рыжеволосый паренек. Белокурый вдруг захохотал, аж голову закинул.

Веслав озадаченно чешет затылок – все верно, служить богам не значит еще, что истину за хвост поймал. Ай да мудрый малый! Волхв довольно закивал:

– А ты что же, никогда волхвов не видел?

– Издалека только, всяк у нас знает – превратить в червя или обратить в пыль им ничего не стоит... они ж волшебники! Горами могут шевелить и реки двигать вспять!

Белокурый паренек засмеялся еще громче, охнул, схватился за живот. Рыжеволосый покосился на него:

– Чего это он?

– Да так, смешинка залетела, – уклончиво ответил Веслав. – Так ты не сказал, кто ты и откуда...

– Я Йошт... Йошт из Карпени, – отвечает сиплым голосом Йошт. – Что... что со мной было?

– Да гадюка тебя цапнула, там, на пристани, помнишь? – весело произнес белокурый паренек.

– Помню... как же, забудешь такое, – пробурчал Йошт, попытался привстать на локтях, поморщился, боль и ломота еще окончательно не отпустили, и он обессиленно бухнулся на перину. – Сколько я уже здесь?

– Третий день.

– Ого! – восклицает Йошт и вновь пытается встать, но безуспешно.

– Ну будет тебе, слаб ты еще, – добродушно говорит волхв Веслав. – Ты у самой черты стоял, еще бы чуть – и отправился бы к пращурам. Но сдюжил, не без нашей помощи, конечно. Зато благое деяние совершил – себя не пожалел, друга защитил.

– Да не друг он мне...

– Раз жизнь мне спас – значит, друг, – весело говорит белокурый паренек. – И вообще, я твой должник.

– Должник, Борята, недоброе слово, – укоризненно говорит волхв. – Должник от слова «долг», а долг возвращается чаще кровью. Тот, кто жизнь спас, другому становится больше чем просто другом – он твой кровник, уразумел?

– Вроде... – неуверенно отвечает Борята. – И что теперь?

– Ну теперь вы словно скреплены между собою, связаны. Глазом не приметно, а связь есть. – Волхв многозначительно держит палец кверху. – Поверье есть: кто жизнь спас человеку, тот вроде как отвечает в будущем за него. Так Покон глаголет!

– Ничего себе! И что же... теперь я за этим... этим бугаем теперь должен... ходить по пятам и былинку каждую сдувать, так, что ль?

– Ну почему же? Просто если кто в беду из вас попадет, выручить – дело чести. Это, как говорится, и в радости и в горе. Так вообще всем людям жить должно – и радоваться вместе, и беду всем родом пересиливать. Такое любо богам нашим.

Волхв нарочито громко произнес последнюю фразу уже у самой двери, потом отворил деревянную дверь и, опомнившись, добавил:

– Ему побольше питья надо, можно немного теплого меда. И отдых, сон вообще лучший боец с хворью... Я опосля, к вечеру, приду.

Дверь скрипнула и захлопнулась за волхвом.

– И в радости и в горе... – недовольно пробурчал Йошт. – Тоже мне, кровничек.

– Ну чего ты все время злишься и зубоскалишь? Между прочим, это ты мою лодку хотел угнать. Забыл?

– Да вернул бы я тебе эту лодку...

– Это как же? По течению пустил бы обратно?

– Мне бы за караваном поспеть. Я тогда по реке быстро бы их нагнал... а теперь что же? И все из-за тебя, дружок-кровничек.

– Вот те раз! – Белокурый паренек выпрямился, подбоченился. – Выходит, Борята еще и виноват остался!

– Да ну тебя... – отмахнулся Йошт.

Сын кузнеца стоит, переминается с ноги на ногу, видно, хочет помочь выздороветь новоиспеченному другу, ну хотя бы подбодрить, но рыжеволосый юнец отвернулся к стене, молчит.

– Ладно, пойду я, и так сбежал, а отец, наверное, уже с полей возвратился, – вздыхает Борята, щупает рваную у ворота рубаху. – Ох, и попадет мне за подранную рубаху.

Новенькие онучи бойко простучали по половицам, скрипнула дверь.

Йошт, кряхтя, привстал на локтях. В открытое окошко волхвовской избы увидел, как стоит Борята, опустив голову, рядом брат что-то говорит, горячо жестикулирует, вышел отец Боряты, лицо суровое, на всю правую щеку большой шрам от ожога, недовольно покачивает головой. Борята достает из-за пазухи нанизанные на ивовые прутья толстые рыбы, робко протягивает отцу, он лишь обреченно махнул рукой, развернулся и исчез в избе. Борята вздыхает, брат наградил затрещиной.

Дальше Йошту смотреть не хотелось, он бухнулся на кровать, вдыхает, в который раз сожалел об упущенном по глупости караване и своих вещах: отцовский нож с костяной ручкой, которую украшают черты и резы. А еще рубаха из овечьей шерсти, расписанная красными солнцами. Отец перед самым походом наставлял беречь и надевать только в дни праздников, говорил – рубаха не простая, а оберег семейный. Жена умоляла надеть под кольчугу как исподнюю, но отец был непреклонен, сказал, как отрезал – детям она будет нужнее.

– Эх, жаль тятькиных подарков, – сокрушенно пробормотал Йошт.

9

Местный кузнец Вакора с прищуром рассматривает еще теплую заготовку. Взгляд медленно скользит по кромке, мозолистые пальцы спускаются от кончика до рукояти по кровотоку. Кузнец недовольтно цокнул, бросил неудавшийся клинок в тигель. Железо бухнулось на раскаленные угли, разметало искры в разные стороны, внутри зло зашипело. Борята отпрянул от очага, сноп искр больно ужалил руку.

– Ну, чего стоишь? – рявкнул на сына кузнец. – На мехи налегай!

Борята не стал дожидаться отцовской затрещины, с готовностью подскочил к мехам, руки наваливаются на потертые до блеска ручки, на плечах и шее вздулись жилы. В тигле грозно зашумело, пламя вырывается наружу, угли щелкают как орехи, заготовка мгновенно раскалилась, белое каление неровно пробежало по клинку.

– Да не так сильно! Плавно, плавно налегай, бездарь! Сожжешь металл!

Борята надул щеки, как индюк, давит на мехи не так сильно, считает про себя – раз, и два, и три, и... вроде так учил отец? Но пламя не слушается – рвется наружу, несколько углей как нарочно выпрыгнули из очага, с шипением бухнулись на вытопанный грунт.

Вакора сплюнул себе под ноги, грубо оттолкнул Бора от мехов.

– И в кого ты такой?.. – процедил он сквозь зубы. – Сколько учу, а дела не знаешь, в глаза людям уж стыдно смотреть! Будто и не мой сын вовсе!

Неумеха-сын поймал лютый взгляд отца, в его глазах зловеще пляшет пламя, Борята съежился – огромный ожог на пол-лица налился кровью. Говорят, это отметина самого Сварога – Бога-творца, властителя Небесной Кузни. И как в это не поверить, ведь изделиям Вакора нет равных в округе...

Борята виновато опустил голову, глядит исподлобья на отцовские руки. Мехи ровным гудением отзываются на его движения, языки пламени послушно спрятались в очаге, лишь раскалились угли. Будущий клинок занялся ровным алым цветом.

«Я ж правильно делал, почему у меня так же не выходит? – с обидой подумал Бор. – Может, и вправду руки у меня не оттуда растут?..»

Заскрипела ограда, сонно затыкала соседская собака. Бор обернулся. В воротах стоит высокий человек в волчьей душегрейке мехом наружу, в поношенных кожаных штанах, на ногах растоптанные онучи, одна рука устроилась на рукояти кривого меча, другая заткнута за пояс.

– Здрав будь, кузнец! – громко поприветствовал он и шагнул вперед. Вакора медленно повернулся, недовольтно окинул взглядом незваного гостя. Рука по-прежнему сжимает ручку мехов, те размеренно сопят, дышат в очаг.

– И вам мир, – медленно кивнул кузнец, не отрывая взгляда от незнакомца. – С чем пожаловали?

Через ограду ловко перемахнул еще один, голый торс бугрится ровными кубиками мышц, солнце блестит на бритой голове, на ременной петле грозно покачивается секира, из онучи торчит засапожный нож.

– С миром, батя, с миром, – излишне доброжелательно бросил он. Борята в его голосе почувствовал издевку, отступил на шаг.

В это же мгновение через жердь забора перемахнул еще один детина – ростом ниже первых двух, но в плечах шире. Голый по пояс, лишь поверх накинут испещренный латками потертый плащ, за спиной болтается двуручник, на левой груди огромные рубцы – будто медвежья лапа прошлась, – лицо суровое. Он вперился взглядом в Бора, рифленые желваки заходили ходуном.

– Смотри, не этот? – пробросил коренастый в плаще.

Лысый окинул взглядом Боряту с ног до головы.

– Что-то он в плечах широковат, да и башка белая, как пучок соломы, а тот худой и рыжий вроде бы...

– Точно?

– Кажися, да...

Борята насупился – кто такие, кого ищут? Он коротко посмотрел на отца. Вакора оставил мехи, выпрямился, широкая грудь играет мышцами.

– Так чего вам нужно? – спросил кузнец, в мощном голосе слышались стальные нотки.

Человек в кожаной душегрейке шагнул к нему:

– Ты, кузнец, мечи делаешь, копья, стрелы справляешь?

– И мечи делаю, и стрелы, и топоры...

– Продай пару клинков, – предложил пришелец, а сам косится на Боряту. – Цену хорошую дадим...

– Нету на продажу.

Молодчик в душегрейке ухмыльнулся, ткнул пальцем в сторону близстоящей пристройки, там лежит скрученное в несколько слоев холщовое полотно, из него торчит дюжина рукоятей.

– А это что же? – с издевкой в голосе вопрошает незнакомец, Борята заметил – рука не отпускает меча, сжимает сильнее.

– Это княжий заказ – а на продажу нету!

Лысый уверенно зашагал к лежащей на земле тряпице с княжьим заказом.

– Будет тебе, кузнец, – процедил парень в волчьей душегрейке. – Говорю, цену дадим хорошую, а не захочешь – так отдашь!

Он потянул медленно из ножен кривой клинок. Ощерил желтые зубы, лезвие застыло на середине.

– Не бывать тому! – грозно бросил Вакора. Тут же рывкнул на лысого, что по-хозяйски берет мечи, щупает, проверяет остроту. – Не тронь! Положи где взял!

– Эй, глянь! А мечишки-то что надо! – не обратил внимания на реплику кузнеца бритоголовый верзила. – Давненько не встречал такой работы.

Он бросил меч в сторону коренастого детины в плаще, клинок зашипел, блестящей дугой рассекая воздух. Он ловко перехватил за рукоять, выставил на вытянутой руке, взгляд оценивающе пробежал от перекрестья до кончика, несколько раз подбросил, одобрительно покачал головой.

– Берем! – радостно воскликнул он. – Все берем!

Вакора вспыхнул:

– Немедля верни на место! А то хуже будет!..

И дернулся было к наглецу, но тут же замер – кончик ятагана уперся в грудь Вакоры.

– Не дури, старик! – прошипел молодчик в волчьей душегрейке. – Тебе ж сказано было – продай или так возьмем... Теперь это наши трофеи. Эй, Саман! И этого белобрысого захвати.

Саман – коренастый в поношенном плаще – злобно ощерился, не выпуская меча, привычным движением высвободил из ременной петли секиру и твердым шагом направился в Бору. Обе руки вздулись мышцами от тяжести оружия.

Борята затравленно озирается по сторонам, все трое разбойников обступают со всех сторон, в руках хищно блестят клинки, а за спиной лишь деревянная стена овина да раскаленный тигель. Не уйти.

– Дык нам нужен худой и рыжий, а ентот... – пророкотал Саман, глядя Боряте прямо в глаза. – Не он вроде. Не напугать бы чего...

– Не бойсь! – осклабился детина в волчьей душегрейке. – Узкоглазые разберутся, он или нет. А ежели не он... ну что ж, и собакам ихним корм нужен.

Саман скривил губы в усмешке. Вакора при этих словах почернел лицом, грудные мышцы устрашающе вздулись.

– Убирайтесь отсюда, покуда шкуру вашу собачью не попортил! – угрожающе процеди кузнец. – Не будите лиха, покуда оно тихо.

Разбойники переглянулись, через мгновение воздух содрогнулся от хохота. Борята побледнел лицом, перед глазами заплясали красные круги, вокруг все почернело, можно лишь различить содрогающиеся от смеха разбойничьи лица. Во рту сделалось солоно, губы свело от боли.

Хохот внезапно оборвался. Борята метнулся к тиглю, схватил пригоршню раскаленных углей и бросил их в лицо Саману. Странно, но рука даже жара не ощутила. Воздух наполнился жженой шерстью и кожей. Бугай в плаще дико заорал, ладони прижал к обожженному лицу, рухнул на колени, секира и меч бестолково бряцнули на землю.

Вакора маятником отклонился от острия ятагана, кулак бесшумно рассек воздух и обрушился в висок вожака шайки, хрустнуло, он бухнулся на землю, попытался встать, но тут же упал на колени, его вырвало, тело осело тряпичной куклой.

Кузнец ловко перехватил на лету сталь восточных мастеров, парировал удар бритоголового верзилы, отскочил в сторону, собственноручно изготовленный клинок едва не вспорол Вакоре живот. Верзила быстро развернулся и обрушил на кузнеца град ударов, лицо злобно перекошено, глаза навывкате. Вакора умело отбивался – лысоголовый здоровяк еще на половине серии выпадов понимал, что месит воздух, а старик за его спиной. Он рычит, бросается проклятиями, но кузнец как заговоренный ловко уходит от меча. Все сызнава – поворот, удары, поворот, удары...

Вакора стал замечать, что бритоголовый начинает заваливаться, запаздывает с ударами, дыхание вырывается с хрипами. Впереди мелькнула голова, изуродованная ожогом, верзила осклабился и размахнулся из последних сил. Теперь смерти тебе не миновать, старик. Но лезвие застыло на вскинутых вверх руках, острая боль резанула низ живота, рот застыл в безмолвном крике, здоровяк с лысой головой, страшно выпучив глаза, медленно оседает наземь. Кузнец размахнулся – выставленная вперед голова сама просится на лезвие. Сталь пропела, долговязый наглец упал... оглушенный – в последний момент Вакора развернул акинак плашмя.

Тем временем Борята пинками провожал непрошенных гостей – Саман все еще держится одной рукой за обожженное лицо, другой тащит за шиворот душегрейки своего вожака. Тот нелепо лупает глупым взглядом по сторонам, на подбородке и вороте волчовки ошметками застыла блевотина, из ноздрей стекают струйки крови.

Уже за тыном на разбойников-неудачников накинута свора соседских собак, обесилевшие люди кое-как отбрыкивались от них, одна – лохматая, свалывшаяся шерсть свисает сосульками – вгрызлась в штанину вожаку в волчьей душегрейке. Тот даже не пытается отмахнуться, так и плетется рычащая псина, уцепившись за штанину до конца веси, пока дорога не убежала вниз по холму.

Кого же они искали? Никак не выходят из головы Боряты слова бугая в потертом плаще: нам нужен худой и рыжий, а не этот белоголовый. Но кто же этот худой и рыжий?

– Ты цел, сынок? – Услышал чуть запыхавшийся голос отца, шершавая ладонь мягко легла на плечо Бора.

Борята развернулся, устало вздохнул:

– Да вроде ничего. – Он улыбнулся. – Я и не знал, что ты можешь так ярко биться. Ты так мечом махал, что дружина вместе с воеводой позавидует!

– Всяк, кто оружие делает, должен уметь с ним обращаться. – Вакора внимательно окинул взглядом сына. – А ты тот еще зверь – накинудся на них, разметал по двору, как медведь, вон и пена еще с губ не сошла, – кузнец хохотнул. – Был бы я на их месте, точно в штаны б наделал!

Они рассмеялись. Взгляд Боряты скользнул по плечу кузнеца. Кожа возле кости вспорота, из аккуратно рассеченных краев струится кровь. Вакора перехватил взгляд сына, дернул плечом.

– Ничего, так, царапина.

Бор напрягает голову, вспоминает. Односельчан своих знает – нет среди них ни рыжих, ни худых парней. Разве что кто из пришлых... Мысль Боряты внезапно оборвалась, молнией ударила страшная догадка – неужели... Йошт!

– А кого они искали, Борята?

– Не знаю, батя, – пожал плечами Бор, рука сжимает покрывшуюся волдырями кисть, огненная боль нестерпимо жжет кожу. Он поморщился. – Ошиблись, наверное.

10

Ближе к вечеру вернулся волхв Веслав, лицо усталое, но веселое, по лбу стекают крупные капли пота. Заговорщицки подмигнул Йошту, приложился к кринке с квасом, пьет жадно, мощный кадык ходит взад-вперед, тоненькие струйки стекают по подбородку, скользят по шее и груди, смешиваются с соленым потом.

Наконец оторвался от кринки, довольно крикнул, в глазах бегают озорные искорки. Комнату наполнил запах крепкого пота вперемешку со свежевыкрашенной травой.

– Ну что, паря, лучше стало? – вопрошает волхв, присев на краешек постели. – Тело побеждает хворь?

– Да вроде...

Волхв бережно щупает повязку на руке. Она оказалась влажной, в желто-зеленых разводах.

– Гм, и вправду работает, смотри-ка, – довольно говорит волхв, кончики пальцев волхва показались Йошту горячими. – Повезло, что у меня отвар супротив яду аспида сохранился. Гады редко жалят наших, да и мало их в наших краях. Все больше прячутся от солнца палящего и стараются держаться подальше от глаз людских.

– А почему же тогда она напала на меня?

– Ну а что ж ей оставалось? Ты для нее угроза, вот она и бросилась на тебя.

– Дык я ей ничего дурного-то и не сделал.

– Ты что же, змей никогда не видывал? Нравов их не знаешь?

– Пару раз, издалека... У нас боятся их как огня.

– А чего их бояться? Просто так не укусят.

– Так и не укусят, как же! – буркнул Йошт, поглаживая ужаленную змеей руку. Боль при нажатии все еще ощутима.

– Напугал ты ее сильно, потревожил, вот она и саданула тебя. А змеюка-то матерая попалась, яду больно много прыснула, видать, детеньшей совсем недавно выходила. У них всегда так, а то как же потомство оборонить? Как кличут тебя и откуда ты?

– Говорил уже – Йоштом меня кличут, из венедов я, из Карпени.

– Во как! А что же тебя так далеко занесло-то? Никак странник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.